Княжна с тараканами

Автор:
Дарья Донцова

Княжна с тараканами

Дарья Донцова

Любимица фортуны Степанида Козлова #6

После замужества любимой бабули модель по макияжу Степанида Козлова тоже стала членом семьи Барашковых, и они просто достали ее своей опекой! Подружилась Степа лишь с Надей Барашковой и даже решила проложить для этой красотки тропинку в мир высокой моды. Случайно ответив на звонок Надиного мобильного, Степаша с удивлением узнала – мать девушки Алена, якобы давно погибшая в автокатастрофе, вовсе не отправилась в мир иной, а находилась в местах не столь отдаленных. По словам ее товарки по заключению, Алену подставили – накачали наркотиками и посадили в авто, под колесами которого погиб человек… Хрупкой и трепетной Наде ничего говорить нельзя! Значит, придется Степе разбираться в этом самой. И первым делом необходимо узнать, как ночью в ноябре Алена оказалась на улице в одном шелковом платье и… чужих ярко-розовых «шпильках» со стразами!

Дарья Донцова

Княжна с тараканами

Глава 1

Надежда умирает последней, а вот глупость живет вечно.

Я на цыпочках кралась по коридору в сторону прихожей. Слава богу, сейчас на первом этаже никого нет, и мне удастся благополучно дойти до двери. Вон она, совсем рядом, осталось всего три шажочка.

– Степашка, – зазвенел за спиной пронзительный дискант, – опять ты надела тапочки на босу ногу? Сколько раз тебе говорить – держи ножки в тепле, голову в холоде, живот в голоде и проживешь сто пятьдесят лет.

Я старательно навесила на лицо самую любезную улыбку, обернулась и смиренно произнесла:

– Дома тепло, и на улице весна начинается.

– Так ты и в январе без колготок скакала, – не сдалась собеседница. – Напомню – на дворе март. А что нам говорит народная мудрость? Пришел марток, надевай десять порток.

– Народная мудрость упоминает лишь про штаны, о носках помалкивает, – крикнул мужской голос из глубины таунхауса. – Аня, отстань от девочки.

– Она простудится, – заквохтала Анна Константиновна, – и что будет дальше? Степашка сляжет в кровать, чтобы сбить температуру, врач пропишет антибиотики, а они пагубно влияют на суставы и желудок. У девочки начнутся артрит-гастрит, откроется язва, кровотечение, ей сделают операцию, у нее заболит сердце…

– Нюрочка, не надо призывать неприятности! – возмутилась крепенькая брюнетка, появляясь в коридоре. – Привет, Степа.

– Здравствуй, Лиза, – кивнула я, бочком продвигаясь к двери.

– Если со Степашечкой случится неприятность и она умрет из&за паралича сердца… – продолжала причитать Анна Константиновна.

– Анна Константиновна, не волнуйтесь, – перебила ее я, – прямо сейчас натяну носки. Честное слово!

– Если это произойдет, как я посмотрю в глаза Димочке? – продолжала она, наплевав на мои слова. – Что я отвечу, когда он спросит: «Нюрочка, почему ты не усмотрела за Степонькой, внученькой моей любимой жены? Ведь специально ребенка здесь поселили, потому что были уверены…»

– Пирог горит! – закричал мужской голос.

Анна Константиновна всплеснула руками и кинулась в сторону кухни.

– Степа, удирай, пока жива, – хихикнула Лиза. – Эй, ты помнишь, что обещала сделать мне макияж на свидание? Когда вернешься?

– Часам к трем совершенно точно, – заверила я. – Мне сегодня только одну квартиру посмотреть надо.

– Ни в коем случае не торопись, – предостерегла Лиза. – А когда наконец&то определишься с выбором, пригласи Нюрку, пусть она все изучит. Бабушка зануда с подзаводом, но в некоторых вопросах ей нет равных.

– Гиблая идея, – хмуро пробормотала я. – Анна Константиновна непременно обнаружит там кучу неполадок. Она слишком придирчива, и я никогда не обзаведусь собственной квартирой, если она будет мне помогать.

– Ну, может, и так, – согласилась Лиза. – Зато не вселишься туда, где полно недоделок.

– Елизавета! – вновь полетел по коридору резкий дискант. – Ты купила вчера хлеб?

– Блин… – вздохнула собеседница. – Ваще на фиг забыла.

– Лиза, Лиза, – продолжала надрываться Анна Константиновна, – где хлеб?

– Сейчас, Нюрочка! – заорала Лиза, направляясь в прихожую. – Уже несу!

Я последовала за ней. Но в отличие от Лизы, которая, живо накинув на плечи яркий пуховичок, выскочила из дома, я завернула за громоздкий дубовый

гардероб, толкнула узкую, сливавшуюся по цвету со стенами створку и очутилась в квадратной комнате с круглыми окнами.

Что случилось со мной? Как я очутилась в чужом доме? Кто такие Анна Константиновна, Елизавета и прочие? Сейчас отвечу на все вопросы.

Итак, начнем с того, как я оказалась в этом таунхаусе. Меня в него привела за руку верная моя подружка по имени Глупость. Но – давайте по порядку.

В самом конце зимы моя бабушка Изабелла Константиновна, которую все зовут Белка, выскочила замуж за Дмитрия Барашкова. Бабулин избранник – режиссер. Он может поставить на огромном стадионе шоу известного певца, организовать день рождения ребенка, придумать праздничную церемонию юбилея фирмы, короче – исполнить любой каприз за ваши деньги. Хотя следует признать: в первую очередь Дмитрия интересует творческая сторона дела, звонкая монета у него на втором месте. Он прекрасно зарабатывает, имеет в столице элитную недвижимость и унаследовал состояние своего отца, весьма богатого человека. Одним словом, у Барашкова нет ни материальных, ни жилищных проблем, и его никак нельзя заподозрить в том, что он вознамерился решить свои финансовые вопросы за счет моей бабушки. Дима (очевидно, мне следует называть его дедулей) намного моложе супруги, но, судя по всему, искренне обожает Белку. Лично мне благоприобретенный дедушка совершенно не нравится, мои отношения с ним не сложились с первой минуты знакомства. Похоже, я тоже не особенно нравлюсь дедуле. Но ради Белки мы оба старательно изображаем бурный восторг при встречах.

У нас с бабулей нет никого из близких людей, а вот Барашков – глава большого клана крепко спаянных родственников. Всех членов его семьи я перечислить не способна, их слишком много: тетушки, дядюшки, племянники, троюродные, четвероюродные и еще бог знает сколько «юродные» сестры и братья, их дети, внуки… На свадьбу Белки и Дмитрия собралось более трехсот человек, самый, так сказать, ближний круг. Причем со стороны невесты присутствовали четыре приятельницы и я, остальные гости оказались родней жениха.

Честно говоря, я с тихим ужасом наблюдала за огромным семейством. Ей-богу, нужно обладать феноменальной памятью, дабы не забыть все имена, и потребуется завести отдельный ноутбук для фиксации дней рождения, годовщин свадеб и прочих памятных дат. К моему удивлению, вся эта армия искренне считает себя единым коллективом и моментально сплачивается, если

кому&то из его членов грозит неприятность.

Не так давно на Олесю, бывшую жену Кости, троюродного племянника Димы, успевшую после развода выйти замуж еще два раза вовсе не за мужчин из мафии Барашковых и родить парочку детей, поздним вечером на улице напал грабитель. Мерзавец вознамерился отнять у нее сумочку. Олеся оказалась глупышкой. Вместо того чтобы отдать сумку, она вцепилась в нее мертвой хваткой и заорала во все горло:

– Спасите! Убивают!

Ясное дело, услышав этот вопль, редкие прохожие кинулись врассыпную, а полиции, естественно, поблизости не обнаружилось. Вот если б Олеся ехала на машине и совершила обгон еле&еле тащившегося по дороге грузовика в том месте, где данный маневр невесть почему запрещен, тут бы точно из засады в кустах вылетел гаишник. Но она шла от метро пешком, часы показывали полночь, с неба валил мокрый снег – ну какой, скажите на милость, полицейский высунет нос на улицу в столь поздний час, да еще при отвратительной погоде?

Грабитель ударил Олесю по лицу, выбив пару зубов, и убежал, прихватив сумку. Как бы я поступила на месте Олеси? Облившись слезами, пришла домой, наутро начала бы искать стоматолога и постаралась поскорей забыть о кошмаре. Обратиться в полицию мне бы и в голову не пришло. Отлично знаю: там шевелиться не станут, не бросятся искать подонка, изо всех сил будут отбрыкиваться, чтобы не принимать у потерпевшей заявление о нападении и не открывать дело, которое непременно превратится в висяк. Белке я ничего не рассказала бы, чтобы не нервировать ее, а больше мне жаловаться некому. Как я уже говорила, мы с бабушкой одни на свете, мужа у меня нет, любовника тоже. Да и вообще я привыкла справляться с любыми проблемами, большими и малыми, исключительно собственными силами.

А вот с Олесей совершенно иная ситуация. Не уходя с места происшествия, она позвонила Косте, хотя после него у нее, напомню, было еще два мужа. Но для семьи Димы это не аргумент, клан Барашковых – как банда, если вы в него попали, вырветесь на свободу только мертвым. Константин, услышав о нападении, пришел в ужас и ринулся туда, где рыдала бывшая супруга. По дороге он позвонил дяде Васе, тот звякнул тете Марине, она связалась с братом жены своего старшего внука, тот бросился к маме бывшей невесты… Короче, когда Костя подбежал к Олесе, у него в телефоне уже имелись координаты

прекрасного стоматолога, который на следующий же день совершенно бесплатно сделал пострадавшей голливудскую улыбку, поскольку был чем&то обязан Светлане. Кто она такая? Не спрашивайте, понятия не имею, знаю лишь, что это знакомая одного из членов семьи.

Кроме того, родственники быстро нашли выход на начальника отделения полиции и в момент сломили его нежелание заниматься поисками грабителя. Бедный майор, которому дядюшки-тетушки и прочие близкие потерпевшей трезвонили беспрестанно, сообразил, что ему легче завести дело, чем отбиваться от армии обозленных Барашковых. И я была поражена, когда узнала: вскоре Олесю вызвали в отделение, сообщив об аресте ее обидчика, и попросили опознать его.

Понимаю, вам кажется, что стать членом этой дружной семейки огромная удача – ведь тебя никогда не оставят в беде. Но! У любой медали есть оборотная сторона, и в каждой бочке шоколада непременно обнаружится утонувший в сладкой жиже таракан. Да, за вас станут горой в случае неприятности, но и легко раздавят танком, если вы вдруг сделаете нечто, не пришедшееся по вкусу Диме и старейшинам семьи. Могу рассказать, как это работает, на собственном примере.

Моя бабуля владела гостиницей «Кошмар в сосновом лесу», которая расположена в Подмосковье. А я работаю визажистом в фирме «Бак» и не желаю тратить по три часа в день на дорогу, поэтому снимаю квартиру в столице. Изабелла Константиновна частенько повторяла, заботясь обо мне:

– Степа, обидно отдавать каждый месяц свои деньги чужим людям. Лучше оформи ипотеку и плати ту же сумму за собственное жилье.

В конце концов я взялась за калькулятор, произвела нехитрые расчеты и увидела, что окончательно смогу расплатиться за собственную норку, купленную в кредит, аж через двадцать пять лет. А кроме того, отдам банкирам намного большую сумму денег, чем возьму у них. И моим ответом на заботы Белки было категоричное «нет».

Бабуля еще пару раз пыталась образумить меня, но поняла, что я уперлась, и махнула на все рукой. Я была совершенно уверена: тема приобретения мной жилья закрыта лет этак на десять. Но тут Изабелла Константиновна неожиданно

выскочила замуж, отправилась в свадебное путешествие и вернулась из него с новой идеей: «Кошмар в сосновом лесу» продают – Белка потеряла интерес к гостинице, к тому же здание не новое, в него постоянно требуется вливать финансы, а у Димы есть человек, который заплатит за отель очень хорошую сумму. Бабуля вложит средства в бизнес мужа и станет его правой рукой. Жить она будет вместе с супругом в его большом, прекрасно обустроенном доме, а мне даст денег на покупку собственной двушки, мебели и всякой мелочи, вроде сковородок, постельного белья, посуды и прочего.

Я, конечно, отговаривала Белку от ее затеи, но она только потирала руки и твердила:

– Ты себе не представляешь, какие у нас с Димой планы. Мой муж может все! Он титан! Он очень умный! Димочка все устроит и с твоим жильем!

Не успела я и ахнуть, как мой новоявленный дедуля, развив бешеную активность, продал старенький «Кошмар» за нереально большую сумму, а также нашел риелтора, который теперь занимается подбором квартиры для меня. Кроме того, Барашков решил временно поселить бездомную Белкину внучку у своих гостеприимных родственников.

– Ну, зачем отдавать каждый месяц бешеные тысячи какому&то дяде, когда Анечка приютит тебя бесплатно? – прочирикала бабуля, приехав ко мне на съемную квартиру. – Оглянись, где ты сейчас обитаешь! Скворечник в доме без лифта и мусоропровода, соседи выглядят странно, подъездная дверь нараспашку… Одна радость, что халабуда находится у Белорусского вокзала, вроде центр. Но, с другой стороны, тут полно бомжей, приезжих, нет ни парка, где можно гулять с коляской, ни…

– У меня нет детей, – быстро напомнила я.

Из&за спины Изабеллы Константиновны выдвинулся Дима.

– Сколько ты платишь в месяц?

– Тридцать тысяч, – нехотя призналась я. И прибавила: – Зато до работы близко.

Дед закатил глаза.

– За год получается машина! Смотри: умножаем арендную плату на двенадцать и – получаем сумму на вполне приличную иномарку.

– Ой, здорово! – захлопала в ладоши Белка. – У тебя будут и колеса, и свое жилье!

– Все, переезжаешь к тете, – категорично заявил Дима. – Она с семьей живет в таунхаусе в Куркино, прекрасное место!

Я возразила:

– У меня нет тети!

Дмитрий изумился:

– А Нюрочка? Ты член нашей семьи. Анна Константиновна Барашкова внучке моей жены не чужой человек. Не спорь, мы хотим как лучше. У тебя будет автономная жилплощадь с отдельным входом. Гостевая комната у Ани пустует, она никому не нужна.

– Нет, – уперлась я.

– Ладно, – неожиданно быстро сдался дед.

Беседа происходила во вторник утром. А во время обеда мне вдруг позвонила сама Анна Константиновна и спросила:

– Кисонька, какое бельишко постелить тебе на кроватку, шелковое или льняное?

Я растерялась. Пробормотала нечто невразумительное и быстро отсоединилась. Только хотела набрать номер Белки, как телефон ожил вновь. Теперь на том конце провода оказался мужчина.

– Привет, Степанида. Я твой дядя Леня, сын Нюрочки. В гостевой стоят кровать, два кресла, столик, тумбочка. Телик висит на стене. Теперь вопрос: мебели хватит или ты еще чего&то хочешь? Да, чуть не забыл, к спальне примыкает гардеробная, шкаф не понадобится.

Не успела я прийти в себя от этого звонка, как по моей съемной халупе понеслась новая трель. Но на сей раз ее источником явился звонок на входной двери. На пороге стояла парочка парней лет двадцати пяти, похожих, как сказочные двое из ларца.

– Привет, – бойким речитативом завел один, – мы твои двоюродные братья Костя и Павел.

– Пришли помочь с вещами, – подхватил второй. – Где чемоданы? Машина внизу. «Газели» хватит? Если нет, быстро подгоним чего побольше.

Я онемела. И тут, будто по волшебству, появились три женщины, назвавшиеся моими тетушками. Они в кратчайший срок ловко и аккуратно упаковали мои шмотки, а Костя с Павлом без задержки отволокли баулы в автомобиль. Потом и меня усадили в кабину, и «Газель», как ошпаренная, понеслась по улицам. Павел крутил руль, а Костя исполнял роль бортпроводника. Мне в дороге были предложены бутерброды, минеральная вода, салат, упакованный чьей&то заботливой рукой в пластиковую коробочку, и шоколадка.

Когда меня, все еще находящуюся под впечатлением от всего происходящего, ввели в прихожую симпатичного двухэтажного кирпичного дома, там с большим пирогом в руках стояла дородная женщина.

– Ну, наконец&то! – радостно заверещала она. – Я твоя любимая тетя Аня. Степашка, скорей снимай курточку, пора подкрепиться, вот кулебяка с капустой. Господи, деточка! На дворе холодает, зима подступает, а на тебе полуперденчик до пояса и сапожки на каблучках! Сейчас добудем теплую шубку с антресолей, ее моя свекровь в конце семидесятых из Китая привезла…

Глава 2

Гостевая комната, куда меня поселили, действительно имеет отдельный вход. Чтобы попасть в нее, я должна войти с улицы в общую прихожую, обогнуть большой шкаф и толкнуть маленькую створку. Взору открывается неожиданно большое помещение, оно очень уютно обставлено. И здесь действительно есть удобная гардеробная. Ни «дедушка» Дима, ни Леонид, ни Анна Константиновна не обманули, когда описывали условия, в которых мне придется жить. Они просто забыли упомянуть о некоторых деталях.

Архитектор, планировавший таунхаус, почему&то не вспомнил о санузле для гостей. Чтобы помыться, мне надо попасть в хозяйскую часть дома и пройти по длинному коридору до двери с табличкой, изображающей щенка в тазике, из которого вываливается обильная мыльная пена. И, конечно, в гостевой отсутствует кухня, перекусывать мне приходится в столовой. А едва я вхожу в просторную комнату с длинным столом, как из воздуха материализуется Анна Константиновна и с воплем: «Степашка, скорей садись, я приготовила тебе вкусненькое!» – начинает носиться туда&сюда от плиты к холодильнику, выставляя на стол блюда и тарелки с едой.

Нюрочка, как все зовут хозяйку таунхауса, не работает, смысл ее жизни – семья. В состав оной входят муж Илья Львович, сын Леня, его жена Катя со своей дочкой Лизой и Надя, ребенок Леонида от первого брака.

Старшие Барашковы поженились в молодом возрасте, будучи студентами, и сразу родили сына. Леня пошел по стопам родителей – Наденька появилась на свет, когда ее отцу едва стукнуло двадцать. Когда девочке исполнилось одиннадцать, ее мать погибла, попав под машину. Леонид спустя год женился на Кате, у которой имелся свой ребенок, Лиза. Так Надюша обрела новую мать. Я уже рассказывала, какие порядки царят в клане, и вы понимаете, что у девочек, которые стали назваными сестрами, нет ни одного повода для ссор. Лиза и Надя – сестры. Точка!

Елизавета студентка, вот&вот получит диплом специалиста по рекламному делу. Надюша младше нас и тоже поступила в вуз, но посещает занятия через пень-колоду, часто пропускает лекции и семинары. Только не думайте, что она наркоманка, пьяница или оторва, хамящая по каждому поводу родителям. Нет, Наденька тихая, интеллигентная, очень вежливая, но, к сожалению, больная девушка. У нее какая&то странная хворь, лучшие врачи не смогли установить диагноз. У Нади иногда сильно трясутся руки, так что она не способна донести до рта чашку с чаем или ложку с кашей. У нее случаются сильные приступы

головной боли, а еще порой ломит все тело, возникает слабость в ногах.

В детские годы Надя была обычной девочкой, ну, может, просто тише, чем ее сверстницы. Беда со здоровьем началась позже. Родители таскают дочку по врачам, сдувают с нее пылинки, покупают новые и новые лекарства, витамины, биодобавки. Анна Константиновна трепетно следит, чтобы внучка соблюдала предписанный режим. Бабушка законопатила в доме все щели (даже заклеила рамы идеально подогнанных стеклопакетов по старинке бумагой), настелила на полы толстые ковры, но ничего не помогает – Надя постоянно простужается и вечно кашляет. При росте метр восемьдесят четыре она весит пятьдесят килограммов, и, на мой взгляд, из нее могла бы получиться великолепная манекенщица.

Сейчас по подиуму шагают шеренги скелетоподобных моделей с личиками самого болезненного вида. Крупнейшие модные дома мира громко говорят о том, что они откажутся работать с манекенщицами, которые исчезают из виду, повернувшись в профиль, а кое&кто уже пригласил для демонстрации коллекций пышечек аж сорок второго французского размера. Но на самом деле все эти стоны и причитания – сплошное лукавство. Платье лучше всего смотрится на вешалке, эту простую истину в фэшн-мире усвоили давным&давно, девушку с нормальными формами выпускают на подиум в виде исключения, чтобы иметь возможность заявить прессе:

«Мы категорически против булимии и анорексии. Полюбуйтесь на нашу модель, у нее объем талии семьдесят три сантиметра, пышная грудь и есть бедра».

Но, пообщавшись с журналистами, модельеры вернутся в свои офисы и устроят разгон другим девицам, которые прибавили в весе триста граммов, налетят на них с воплем: «Совсем голову потеряла? На тебя сшито много платьев! Немедленно худей!»

Вот Надюша бы таких слов не услышала, она похожа на глисту в обмороке.

Илья Львович, муж Анны, владелец сети предприятий, которые выпускают сантехническое оборудование. Спрос на изделия большой, бизнесмен прекрасно зарабатывает и постоянно расширяет сферу деятельности. Леонид управляет одной из папиных фабрик, а его жена Катя генеральный директор рекламного агентства. То есть никаких материальных проблем в этой семье нет. Впрочем, и

моральных тоже. Данная ячейка общества построена по старинке: глава дома и его сын обеспечивают всех деньгами, Анна умело ведет домашнее хозяйство. Однако Илья Львович совсем не домостроевец. Пожелай его супруга работать, он бы мигом нанял прислугу и предоставил второй половине возможность самореализоваться. Но Анна Константиновна считает, что она обязана заботиться о семье. Вот у Кати, жены Леонида, другое мнение, и никто не запрещает ей вспахивать ниву пиара.

О первой жене Барашкова-младшего, Алене, в семье почти не говорят. Ее портретов в доме нет, и даже в спальне Наденьки отсутствует фото покойной мамы. Об Алене мне однажды рассказала Нюра. Она хвалила невестку, упоминала о ее красоте, сообщила, что та работала на телевидении, была очень талантлива, часто ездила в командировки по всему миру. Но потом случилась беда – она попала под машину и скончалась от полученных травм. Нюрочка упомянула, что прах ее первой невестки после кремации забрала мать Алены, живущая в городе Петропавловск-Камчатский, и захоронила его на тамошнем кладбище. Поэтому Надя не посещает могилу мамы – слишком далеко лететь из Москвы.

– Мы помним и любим Алену, – вздыхала Анна Константиновна, – но стараемся не говорить о ней, потому что Наденьке может сделаться плохо. Степонька, пожалуйста, не проявляй любопытства. Захочешь что узнать про покойную, подойди ко мне и тихонечко спроси, тут же получишь ответ. Никаких тайн нет, мы помалкиваем исключительно из&за опасения за здоровье девочки.

Вот так я и живу сейчас – окруженная любовью и вниманием, не тратя ни копейки на коммунальные услуги и еду. Но если честно, мне совсем некомфортно, потому что я чувствую себя нахлебницей. Первое время я покупала продукты, но Катя мне шепнула:

– Не обижай Нюру.

Я испугалась.

– Что я не так сделала?

Жена Лени стала загибать пальцы.

– Сама стираешь свои вещи, а потом берешься за утюг. Притаскиваешь харчи. Намедни ты купила шампуни, гели, кондиционеры. Нюрочка очень расстраивается. Вчера даже плакала. Я спросила, в чем дело, и услышала: «Степочка меня не любит, брезгует моей помощью. Девочке не по вкусу ни супчик, ни мое фирменное чахохбили, она предпочитает сыр с колбасой и сама застилает свою постель».

Я оторопела и стала оправдываться.

– Анна Константиновна шикарно готовит, но с какой стати ей бесплатно кормить лишний рот? И, ясное дело, я сама привожу в порядок свои вещи. А о том, чтобы кто&то убирал за мной постель, даже подумать не могу. Да, разъезжая по командировкам, я никогда не убираю в своем гостиничном номере, на то есть горничные, они за это получают зарплату. Но оставлять беспорядок в комнате, куда тебя пригласили пожить, на мой взгляд, некрасиво…

– Нюра ощущает себя ненужной, если кто&то, кроме нее, занимается хозяйством, – перебила меня Катя. – Пожалуйста, не обижай Анну Константиновну, она тебя любит. Грязные вещи просто бросай в корзинку, перестань забивать холодильник продуктами и спокойно уходи из спальни, оставив постель неубранной.

– Ладно, – пробормотала я, – больше не буду покупать еду, но, боюсь, с вещами и постелью не получится.

– Пожалуйста, постарайся, – попросила Екатерина. – Пойми, у вас с Нюрой разный менталитет. И еще одно. Когда она спрашивает тебя по вечерам: «Как дела, милая?» – что ты ей отвечаешь?

– Говорю, что все хорошо.

Я пожала плечами. Хм, а что следует говорить в подобном случае?

Катя улыбнулась.

– Если можно, отвечай поподробнее. Для Нюрочки это вовсе не светская любезность. Ей действительно интересно, как у домашних прошел день, с кем

они встречались, что происходит у них на службе. И ты никогда не просишь у тети совета.

– М-м-м… – растерянно пробормотала я.

– Нюра обожает свою семью, – сказала Катя, – и нам надо показать ей, как мы ценим ее заботу, прислушиваемся к ее словам. Понимаешь, дорогая? Мы же ближайшие родственники. Мы – как пальцы на одной руке. Возьми, например, мизинец. Вроде он маленький, ненужный, казалось бы, но без него неудобно. Зачем людям семья? Чтобы человек не ощущал одиночества, знал, он член коллектива, где его любят, всегда поймут, поддержат. И, между прочим, оградят от совершения глупостей, опрометчивых поступков. Ты еще так молода, и Нюрочка волнуется, вдруг ты сведешь знакомство с дурными людьми. В фэшн-бизнесе не очень здоровая обстановка. Сделай одолжение, стань немного откровеннее, это успокоит Нюру. Да и нас с Леней тоже. И ты потом будешь нам благодарна.

Екатерина обняла меня за плечи и притянула к себе.

– Солнышко, я поделюсь с тобой одной своей тайной. Моя рано ушедшая из жизни мама придерживалась тех же семейных принципов, что и Нюрочка. У нас дома существовала традиция – за ужином мы рассказывали друг другу все новости, хорошие и плохие. Никто никого не ругал, мы просто совместно обсуждали положение дел. В шестнадцать лет я без памяти влюбилась в главного хулигана школы. У нас с этим мальчиком из неблагополучной семьи мог получиться роман. Парень был старше меня и, думаю, уже имел опыт интимного общения с девушками, а я по сравнению с ним была совершенная незабудка, наивная дурочка. Представляешь мою радость, когда тот, по кому сохли все девочки, пригласил меня на свидание? Я просто потеряла голову! И была уже готова ехать на дачу к его приятелям, куда он меня настойчиво зазывал. Но вдруг представила, что мне придется рассказать родителям о своем приключении, и отказалась от приглашения. Сейчас понимаю, от какой беды я спаслась. А если б у нас не было традиции общения? Меня могли изнасиловать, убить…

Я молча слушала. Должна сказать, что терпеть не могу, когда меня обнимают посторонние люди, но освободиться от нежных, но крепких рук Кати показалось мне неприличным, поэтому я стояла смирно. Катерина поцеловала меня в висок и спросила:

– Ну, как? Договорились?

– Хорошо, – пробормотала я, – постараюсь.

И некоторое время я честно пыталась жить по Нюрочкиным правилам. Мне даже удавалось уходить на работу, оставив незаправленной постель. Но потом стало невмоготу. Хорошо, когда тебя любят, однако забота не должна душить человека, забивать ему нос, рот и глаза. Одна радость – меня часто отправляют в командировки. Нью-Йорк, Лондон, Париж, Милан – иногда я по два месяца не показываюсь в Москве. Однако стоило мне вернуться и переступить порог дома Барашковых, как у меня возникало ощущение, будто я муха, попавшая под дождь из варенья или под град из пряников. Я в мельчайших подробностях рассказывала Нюрочке и остальным о том, как прошла поездка. А члены семьи начинали охать, ахать, задавать бесконечные вопросы, на которые приходилось подробно отвечать. Хуже всего было то, что мне никак не удавалось найти для себя квартиру. Поиск жилья совсем непростое дело, а времени у меня мало. Ходить по домам с риелтором я могу, лишь когда нахожусь в Москве, да и то в выходной.

Пару недель назад Нюрочка неожиданно воскликнула:

– Степашечка, нам так славно вместе! Представить не могу, как ты, деточка, от нас съедешь, будешь жить одна, ходить голодная, в мятой юбочке, и никто не наведет у тебя порядок…

– Не переживай, мамуля, – засмеялся Леонид, – никуда наша Степа не денется. Она пока сама не понимает, какое ей жилье нужно. А с ее работой на поиск подходящей квартиры, а потом на ее ремонт и обустройство уйдут годы. Степе у нас хорошо, может, она вообще откажется от идеи жить отдельно. Правда, дорогая?

Я усердно заулыбалась, стараясь скрыть охвативший меня ужас. Леонид прав! Если я не займусь вплотную поисками квартиры, то надолго застряну у Барашковых, и Анна Константиновна в конце концов задушит меня своей любовью.

Через день я отправилась к Роману Глебовичу, владельцу фирмы «Бак», и, честно рассказав ему о проблеме, попросила:

– Можно мне взять двухнедельный отпуск за свой счет? Я постараюсь за это время найти подходящее жилье.

Звягин у нас молодожен, свадьбу он играл в один день с моей бабулей, из&за чего я не смогла присутствовать на бракосочетании босса, с которым меня связывает крепкая дружба. Настроение у Романа сейчас наипрекраснейшее, и я рассчитывала, что он пойдет мне навстречу. Звягин же, усмехнувшись, воскликнул:

– Две недели мало! Даю тебе месяц с сохранением зарплаты. Представляю, в каком ты пребываешь восторге, купаясь в безграничной любви этого семейства. Еще не началась аллергия на слово «родня»?

И вот сегодня у меня, модели Степаниды Козловой, первый день безделья. Но, несмотря на это, я должна многое успеть.

Глава 3

Через полчаса я сидела в небольшом кафе и набирала номер Нади.

– Алло, – еле слышно ответила она.

– Ну, и где ты? – спросила я.

– Дома, – промямлила Надюша.

– Поторопись! – приказала я. – Опаздывать нельзя.

– Не могу, – простонала она, – голова болит, ноги подкашиваются.

Но я великолепно знала, с кем имею дело, поэтому дала совет:

– Ползи по-пластунски.

Из трубки донесся то ли смешок, то ли сдавленный кашель, затем Надя заканючила:

– Живот ноет, прикоснуться к нему невозможно.

– Ладно, – вздохнула я, – фиг с тобой, сиди дома.

– Ты перенесешь съемку? – обрадовалась она.

– Нет, отменю ее, и тебя более никогда не пригласят, – жестко ответила я. – Вокруг слишком много девиц, которые, не жалея каблуков лабутенов, прибегут в студию к Роже, готовые на все. Никому из топ-моделей не придет в голову капризничать, если на нее обратил внимание великий Винтер. Ты упустишь свой шанс, такой больше уже не представится.

Надя зашмыгала носом, а я так же твердо продолжала:

– Понимаю, тебе просто лень. Все разговоры о желании сделать карьеру в мире моды сплошное бла-бла. Зачем тебе утруждаться? Добрые папа и дедушка всегда дадут денег больной девочке. Но меня ты подвела. Через два часа нас в студии ждут не только Роже, но и куча народа: представители фирмы, в частности, мой шеф Франсуа Арни, швея, стилист, ассистенты всех мастей и пять моделей, которые призваны стать фоном в новой рекламе. Если ты не появишься вовремя, никому не заплатят, день у людей пойдет насмарку. Роже выскажет претензию Франсуа, тот мигом спросит у меня, своей правой руки и любимой мордочки для раскрашивания: «В чем дело, дарлинг? Почему твоя протеже нас кинула?» И что мне ответить? Что у тебя животик бо-бо? Арни на меня разозлится и…

– Иду, – тоном мученицы, восходящей на костер, пролепетала Надя. – На улице пакостная погода, да?

– Прекрасный день, – заверила я, – весной пахнет. Давай быстрее! Жду на нашем месте.

Надюша издала очередной стон и отсоединилась. Я заказала капучино и уставилась в окно.

Как мы с Надей подружились? Что ж, пожалуй, рассажу.

Сначала мне было жаль больную девушку, а потом вдруг стало понятно: не такая уж она и хворая, просто ей не нравится профессия переводчицы, которую выбрали для нее родные. Надюша свободно изъясняется на английском и французском, но мысль о том, что всю жизнь ей придется корпеть за письменным столом, переводя чужие книги, приводит девушку в ужас. Дело в том, что заботливые родственники, зная о слабом здоровье Наденьки, отправили ее на факультет литературного перевода, а Илья Львович заранее договорился с издательством, где для его внучки подготовили теплое местечко подальше от форточки. Значит, получив диплом, Надя очутится в компании женщин и будет тихо шуршать страницами рукописей и словарей. Прекрасная работа для человека, у которого всегда что&нибудь болит.

Кстати, в детстве у девочки не было ни кашля, ни ломоты в суставах, ни головокружения, все это появилось, когда речь зашла о поступлении в вуз. Я не знаю, какой Наденька была лет в четырнадцать, но думаю, что она бегала с подружками в кино, вероятно, даже обзавелась ухажером. Но потом все пошло наперекосяк. Сейчас Надю окружают только члены патологически заботливого клана Барашковых, которые во все глаза следят, чтобы она не нервничала, принимала тонны лекарств, одевалась соответственно погоде, питалась по расписанию, вовремя ложилась спать, а заодно стимулируют Надю получать фундаментальные знания в области перевода. Лично я точно бы умерла от такого агрессивного любвеобилия, поэтому искренне пожалела Надю.

Так вот, повторяю: спустя недолгое время мне открылось, что дочь Леонида тяготится заботой семьи, а ее ежевечерний стон за ужином: «Простите, голова заболела, пойду лягу» – вызван не мигренью, а желанием побыть в одиночестве.

Как&то около часа ночи Надя поскреблась в мою комнату и смущенно сказала:

– Наши давно спят, а из&под твоей двери свет пробивается. У тебя случайно нет пары новых колготок? Я свои порвала, завтра не в чем идти на занятия.

Я сразу сообразила, что это всего лишь предлог для того, чтобы поболтать со мной. За два часа разговора мы поняли, что очень похожи и прежде всего обе не в восторге от опеки Нюрочки, хотим жить отдельно. Главное наше отличие заключалось в том, что у меня есть интересная работа и перспектива обрести свое жилье, избавиться от Барашковых, а Надюше предстоит вечно жить с родственниками. Единственный шанс для нее спастись от их любви – выйти замуж.

Но где найти жениха? В институте, где Надя отбывает повинность, учатся одни девочки, мальчиков там раз-два и обчелся, и те давным&давно, так сказать, разобраны. На свою беду, Надя инертна, безынициативна, побаивается шумных компаний. Она ни с кем не дружит, ее не приглашают в гости, из таких девиц получаются классические старые девы. Впрочем, я уверена, что Леонид и Катя непременно решат эту проблему: приведут дочурке жениха на дом, сами выберут подходящую, на их взгляд, кандидатуру. Вероятнее всего, найдут ее среди знакомых клана Барашковых, а потом сыграют свадьбу. Молодые поселятся бок о бок со старшими, может быть, Надюша родит ребенка. Но вот станет ли она свободной?

Несколько ночей подряд мы тайно беседовали, потом я пригласила Надю к себе на работу – хотела, чтобы она увидела показ мод, который был устроен в честь выпуска компанией «Бак» очередного нового парфюма. После того как манекенщицы продемонстрируют коллекцию, предполагался фуршет с большим количеством народа. У меня не было никаких далекоидущих планов, я просто вознамерилась встряхнуть Надюшу. Но она наотрез отказалась от приглашения, заныла:

– Меня не отпустят.

– Не говори, куда идешь, – предложила я.

– Так ведь спросят, – хныкала Надя.

– Скажи, что отправляешься в библиотеку, – придумала я подходящий предлог.

– Лгать? – ужаснулась Надя.

– Конечно, – ухмыльнулась я. – Сама частенько вру Белке – незачем ей всю правду обо мне знать.

– Врать нехорошо, – прошептала Надя.

– А всегда откровенничать с родственниками – это идиотизм, – отбрила я. – Короче, если решишься, то вот пригласительный билет.

На показе мод Надюша не появилась. Я обиделась, потому что рассказала ей, что впервые буду задействована в процессе как полноценный визажист, а не просто ассистент Франсуа, для меня это важный шаг в карьере. Но потом подумала, что мы с Надей общаемся недавно, ей мои достижения по барабану, и мое плохое настроение как водой смыло.

Роман Глебович договорился с одним из самых значимых в фэшн-мире глянцевых журналов о репортаже. В Москву прислали титулованного фотографа из Нью-Йорка, француза по происхождению, Роже Винтера. Наши модели, понимая, что всего лишь один кадр, снятый гуру фоторепортажа и иконой фэшн-журналистки, способен вознести девушку со дна неизвестности на мировые подиумы, постарались произвести на Роже наилучшее впечатление. Красавицы нарядились по полной программе, встали на километровые каблуки, начесали кудри, наложили макияж и явились на фуршет, сверкая ослепительными улыбками.

И вот, уже после показа, Винтер, не обращая внимания на стадо однояйцевых блондинок, тихо беседовал с Арни, а я застыла справа от Франсуа, ожидая от него каких&либо указаний. Вдруг Винтер замолчал, поднял висевший на шее фотоаппарат, пару раз щелкнул затвором и спросил:

– Франсуа, кто эта девочка?

Арни проследил взглядом за рукой Роже, прищурился и ответил:

– Не знаю. Но ты прав, в ней что&то есть.

Я тоже повернула голову и удивленно спросила:

– Вы говорите о худышке в джинсах?

– Да, да, – закивал Винтер, – вон о той темненькой, которая небрежно заколола волосы, отчего половина прядей упала ей на плечи.

– В малышке есть шарм, – подхватил Франсуа. – Посмотри, как стоит – этакой изломанной линией… И руки хороши.

– А глаза, – дополнил Винтер, – как на древнерусских иконах – близко посажены к узкому носу.

Я еще больше удивилась:

– Мне всегда казалось, что вам, наоборот, нравится, когда глаза широко расставлены.

– Поверь, через год в моду войдут именно такие лица, как у этой юной незнакомки, – зачастил Роже, – я это чувствую. Совершенно иной типаж, необычный. Одухотворенный. Он сменит простые лица. Грядет революция, всем надоели девочки-куклы…

Я молча слушала Винтера.

Резкие изменения в мире моды очень часто происходят из&за одного человека, которому пришла в голову гениальная мысль. Например, идея обрезать подол юбки почти на уровне талии или одеть женщину в брючный костюм. Однако сейчас дамы в галифе, пиджаках, смокингах или в микроплатьицах уже не вызывают особого интереса. А ведь когда&то творения Коко Шанель, Мэри Куант, придумавшей мини-юбку, и других великих модельеров произвели настоящую революцию не только в мире моды, но и в умах простых людей. Не стоит сбрасывать со счетов и манекенщиц. В год, когда на подиум вышла Твигги, женская часть населения земного шара принялась истово худеть и до сих пор не может остановиться. Или вот другая история. В самом конце 90-х XX века в Париж из Нижнего Новгорода приехала девушка, страстно мечтавшая сделать карьеру модели. Манекенщицы тех лет «носили» тонкие, выщипанные брови, и именно широкие брови российской неофитки привлекли внимание одного из гуру фэшн-бизнеса. Сейчас эта россиянка – звезда, а большинство представительниц слабого пола перестало рисовать над глазами «нитки».

– Степа, немедленно узнай, как зовут незнакомку, и приведи ее сюда, – велел мне Франсуа. – Похоже, она не русская.

– Почему ты так решил? – удивился Роже. – Из&за темного цвета волос?

Арни усмехнулся.

– Москвичка никогда не придет на фуршет в джинсах, простом пуловере, балетках и без агрессивного макияжа вкупе с прической, напоминающей кудрявый стог сена.

– Ну, не все же страдают дурновкусием, – возразил Винтер, – вероятно, она журналистка.

– Представительницы прессы не моют голову, – решительно отрезал недолюбливающий папарацци Арни. – А если у репортера волосы чистые, значит, он просто попал под дождь.

Я вмешалась в их беседу.

– Я знаю красавицу, это студентка Надежда Барашкова, моя подруга и в некотором смысле родственница.

Глава 4

Смущение Нади, нежданно-негаданно оказавшейся в центре всеобщего внимания, ее прекрасное знание английского и французского языков привели в восторг Роже, и он заявил:

– Во вторник жду вас в студии «Бак». Вы идеально подойдете для новой рекламной кампании.

– Ой, нет! – испугалась Надюша.

Винтер оторопел. Он привык, что любая женщина, услышав от него фразу: «Я сделаю несколько ваших снимков», – закатывает глаза и начинает биться в корчах от счастья.

– Нет? – с изумлением повторил Роже. – В каком смысле «нет»?

– Да, – быстро сказала я, пиная Надю, – она придет в студию. Просто моя подруга от радости слова перепутала.

Собравшийся морщинами лоб Винтера разгладился.

– Отлично. Начнем в полдень.

Почти всю ночь я объясняла Наде, какой удивительный шанс подбросила ей судьба. Рассказала, как сама совершенно случайно попалась на глаза Арни и из студентки заштатного вуза превратилась в девушку, которая летает по всему миру и занимается самым прекрасным на свете делом.

В субботу утром я потащила Надю с собой в офис – не хотела оставлять ее один на один со своими мыслями. Потом еще вечером в воскресенье и понедельник провела с ней воспитательные беседы. И вот сегодня, когда до съемок осталось всего ничего, услышала стоны про больной живот…

– Можно я сяду? – прозвучало за спиной.

Я обернулась, увидела Надю и удивилась.

– Как ты вошла? Я специально внимательно смотрела в окно.

Девушка показала пальчиком на бар.

– Там есть еще одна дверь. Мне очень плохо.

– Не ври! – рассердилась я.

– Нет, правда, – смутилась Надя. – Я сделала пирсинг и теперь не могу дотронуться до пупка, очень больно.

Я чуть не упала со стула.

– Что ты сделала?

– Пирсинг, – испуганно повторила Наденька.

Я схватила чашку с остывшим кофе, залпом осушила ее, слегка пришла в себя и поинтересовалась:

– Как тебе вообще пришло в голову продырявить пуп?

Надя отвела глаза.

– Я рылась в Интернете, а там полно фотографий моделей. У многих татушки и украшения в пупке, вот и мне захотелось быть как они.

– Рисунки у девушек сделаны на коже хной, или это переводные картинки, – с трудом удержавшись, чтобы не заорать «Дура!», объяснила я. – А пирсинг у моделей фальшивый, на магнитах.

– Правда? – удивилась Надя. – Ну надо же, я и не догадывалась… Знаешь, мне и в самом деле ужасно больно. Словно в живот нож воткнули.

– Показывай, – велела я.

– Прямо здесь? – смутилась подруга. – В зале?

– Ладно, пошли в туалет, – согласилась я.

Когда Надя задрала кофточку, я присвистнула:

– Круто! Где украшение взяла?

– В тату-салоне купила, – призналась Надюша. – Мастер уверял, что оно не тяжелое, но мне очень неудобно, пуловер за подвеску цепляется, живот болит. И украшение странное, да? Я вообще&то другое хотела, с голубым камушком, за него и заплатила, а мастер сказал, что это самое модное.

– Кто посоветовал тебе к нему пойти? – не успокаивалась я.

Наденька округлила глаза.

– Ну… ты же говоришь, что человек должен сам справляться со своими проблемами… не прятаться за спиной у родителей, вот я и подумала… а спросить не у кого… Нюрочка в обморок бы упала, про такое услышав, и никогда бы мне не разрешила… В общем, я пошла на рынок…

Я привалилась к раковине.

– Куда?

– На базар, – пролепетала Надя. – Поняла, что ты права, пора стать активной…

Я схватила ее за руку.

– Быстро рулим туда, где тебе повесили эту «красоту». Ее необходимо вытащить.

– Ты так считаешь? – с надеждой спросила Надя. – Конечно, мне больно, но ради того, чтобы понравиться Роже…

Я с шумом выдохнула.

– Модель с настоящей татуировкой и продырявленным пупом сразу отпугнет Винтера – он принципиальный противник нательных рисунков и железок в теле.

– Ой! – в ужасе прошептала Надя.

– Адрес салона помнишь? – спросила я.

– Ага, – кивнула она, – он тут, рядышком, около ларька с шаурмой.

Я поперхнулась от возмущения. Ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову отправиться на пирсинг в тату-салон по соседству с ларьком, где торгуют лепешками, начинка которых еще недавно бегала на четырех лапах и мяукала. Но в идиотском поступке Нади есть и моя доля вины – именно я упорно твердила ей о том, что надо стать самостоятельной. Да уж, наставница добилась сокрушительного успеха!

В тату-салоне, напоминавшем размерами ящик секретера, нас встретил кудлатый парень. Несмотря на прохладную погоду, он щеголял в майке-алкоголичке – явно хотел продемонстрировать тело, сплошь покрытое картинками.

– О, девочки пришли! – радостно воскликнул юноша, когда мы с Надей втиснулись внутрь. – Что желаем? Бабочки на попочках? Цветочки на ножках? Сделаю все, что хотите! Дать каталог позырить или свои идеи есть?

– Снимай куртку, – приказала я Надюше. А когда та покорно стащила пуховичок, я задрала на ней пуловер и показала пальцем на живот. – Это что?

– Бляха-муха! – выпалил парнишка. И эхом повторил вопрос, только что заданный мною: – Это что?

– Сам не видишь? – прошипела я. – А ну, зови хозяина!

– Я уже тут, – пробормотал кудлатый собеседник. – Здрасте, меня зовут Вадик!

– Знаешь, как мы сейчас поступим? – угрожающим тоном спросила я. – Отправимся с Надей…

– Ой, пожалуйста, не надо! – быстро перебил меня Вадим. – Как же такое могло получиться?

Занавеска в углу комнатенки зашевелилась, из&за нее вышел мужчина лет сорока в джинсах и теплой клетчатой рубашке.

– Вот он! – вдруг сказала Надя.

– Кто? – не понял владелец салона.

– Мастер, который мне украшение продал, – пояснила моя спутница. – Вон стенд висит с образцами, и я выбрала за четыре тысячи золотое колечко с голубым камушком, самое дорогое. Так ему и сказала: «Оно хороших денег стоит, наверное, самое лучшее». А мастер сходил в другую комнату, принес это и сказал: «Предлагаю гораздо круче. Только своим ставим, цена серьги пять штук».

– То&то я понять не мог, куда у нас пробка от раковины подевалась! – подпрыгнул Вадим. – Сегодня все утро по ряду, где сантехникой торгуют, бегал, искал. Умывальник маленький, затычка нестандартная, крохотная, с колечком. Ну нигде такой нет! Серега, ты охренел? Зачем клиентке в пупок пробку от умывальника на болт навесил?

– Э… – протянул мастер. Затем уточнил: – А когда она приходила?

– Вчера днем, – прошептала Надя. – Вы тут один сидели, в кабинете за занавеской, курили какую&то вонючую папироску, смеялись и повторяли: «Будешь самая клевая, буль-буль, вода журчит». Я вообще&то не поняла, при чем здесь вода, но…

Мой гнев наконец вырвался наружу:

– Прекрасно! Не знаю, как закон наказывает тех, кто на рабочем месте попыхивает косячком, но по голове за такое не погладят. Сейчас сделаю один звонок, сюда примчатся ребята из отдела по борьбе с наркотиками и перевернут все вверх дном…

– Тише, пожалуйста, – взмолился Вадик, – Сергей, ты уволен! Проваливай прямо сию секунду!

– За что? – возмутился мужик.

Я сжала кулаки.

– За то, что украсил живот моей подруги затычкой от слива. Этого мало?

– Эй, ты со мной драться собралась? – заржал Сергей. – Не советую, я чемпион России по айкидо.

Вадик схватил «спортсмена» за шкирку, вытолкал на улицу и затрещал:

– Девочки, умоляю, простите! Это мой дядя. Он вообще&то хороший мужик, но как обкурится, становится идиотом… Так ведь не чужой человек, тетка просила взять его на работу, отказать было невозможно…

Ага, вот вам еще один из тех, кто любит свою родню!

– Сейчас все вытащу, продезинфицирую, деньги верну в тройном размере, – пообещал Вадим. – Если захотите, я бесплатно вставлю настоящую серьгу с брюликом.

– Нет! – топнула я ногой. – Быстро избавь Надю от этой гадости и радуйся, что у нас времени мало, некогда с тобой разбираться.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – на едином дыхании выпалил Вадим. – Ты тут посиди на стульчике, а мы с Надей пойдем…

Я перебила его:

– Ну уж нет! Отправлюсь с вами и буду внимательно наблюдать за твоей работой, а то еще вставишь Наде вместо пробки вантуз.

– Он в пупок не влезет, – на полном серьезе возразил Вадим.

Спустя пятнадцать минут мы вышли из тату-салона и двинулись к воротам рынка.

Народу было много, меня постоянно толкали то в бок, то в спину. Вот скажите, почему наша толпа так агрессивна? Во Франции или Италии прохожие никогда не задевают друг друга, а в России вас то и дело норовят пихнуть. Интересно, так было всегда или желание походя толкнуть соотечественника возникло

вместе с падением коммунистического режима? Белка мне рассказывала, что в те времена, когда телевидение заканчивало работу в одиннадцать вечера, а майонез считался самым деликатесным из всех деликатесов, народ, входя в метро, всегда придерживал рукой тяжелую дверь, чтобы та не стукнула идущего сзади. Уж и не знаю, правда ли это, бабуле свойственно идеализировать прошлое. Но если такая привычка была, то сейчас она напрочь забыта, теперь все торопятся войти в подземку, не касаясь дверей руками, пинают их ногами и озабочены лишь собственным удобством.

Меня в очередной раз толкнули, я споткнулась, но удержалась на ногах и увидела часы, прикрепленные над входом в лавку, где торговали мобильными телефонами.

– Опоздали! – огорчилась я.

– Разве? – испугалась Надя. – Сейчас половина одиннадцатого, а нам велено приехать к полудню.

Я стала судорожно рыться в почему&то расстегнутой сумке.

– К Винтеру мы успеваем, дело в другом. Но где же мой телефон? Я должна была четверть часа назад соединиться с Андреем Петровым. Черт, не выполнила просьбу Романа Глебовича! Слушай, а сотового нет!

– Ты его потеряла? – расстроилась Надя.

– Стой тут, не двигайся, – приказала я и бросилась в магазинчик, который украшали часы.

Степа, вот тебе наука – никогда не броди в толпе, не прижав к себе покрепче сумку. Да, прохожие толкаются, но не нарочно, а потому что плохо воспитаны, – все, кроме того вора, который сознательно пихнул меня в бок, в секунду раскрыл сумку и вытащил из нее мобильник.

Глава 5

Если приемная тату-салона напоминала клетку для детеныша хомяка, то в норе, где торгуют телефонами, едва ли уместилась бы гусеница. Я перешагнула через порог и сразу налетела на стойку. Красный браслет, висевший на моем запястье, стукнулся о ее стальное обрамление, жалобно звякнул, исполнив роль дверного колокольчика, но огненно-рыжий продавец, игравший на айпаде, даже не поднял головы.

– Что? – лишь буркнул он.

– Трубку. Быстро. Самую дешевую. Симку копеечную, – в тон ему ответила я.

Затем оперлась рукой о прилавок, скользнула взглядом по своему запястью и помимо воли улыбнулась. Белка подарила мне старинный браслет, и он так мне понравился, что я теперь ношу его постоянно, даже если он с одеждой не очень сочетается. Стоит мне посмотреть на браслет, как настроение сразу поднимается. Одна беда – у замечательной вещицы не очень прочный замок. Я все собираюсь отнести браслетик к ювелиру, чтобы тот его починил, да никак не найду свободного времени.

– Дерьмом не торгуем, – пробурчал рыжий парень, так и не посмотрев на меня.

Хм, чем меньше лавчонка, тем больше пафоса у продавцов…

– Самую дешевую! – повторила я. – Мне надо срочно позвонить, а мой мобильный только что вытащили из сумки.

Торговец наконец&то соизволил отвлечься от «стрелялки», поднял голову и неожиданно стал приторно-любезным.

– Зачем такой красивой девушке ерундовская трубка? Возьми айфон. Родной, не китайский. Сделаю скидку.

– Нет необходимости, – зачастила я, – у меня дома лежит новенький сотовый, его подарили пару недель назад вместе с мини-копией моей симки. Сейчас мне просто надо позвонить. Сделай одолжение, придумай что&нибудь, а то…

Дыхание прервалось, я примолкла. Продавец облокотился о прилавок.

– А то что? Твой парень заревнует?

– Нет времени болтать о глупостях! – разозлилась я. – Шеф велел кое&что сделать, а я забыла.

Хозяин лавчонки встал и исчез за маленькой дверцей. Я не успела вздохнуть, как он появился снова, показал довольно дорогой мобильный и неожиданно заявил:

– Сто рублей вместе с сим-картой. Отдам, если скажешь, как тебя зовут.

– Степанида, – представилась я.

– Врешь, – засмеялся собеседник, – таких имен нету.

Я открыла дверь на улицу.

– Надюша, как меня зовут?

– Ты забыла? – испуганно отреагировала она. – Заболела, да?

– Нет, просто ответь! – велела я.

– Степа, – растерянно произнесла Надюша. – Степанида Козлова, ты работаешь визажистом в фирме «Бак».

Я быстро захлопнула дверь, положила на прилавок сто рублей и протянула руку.

– Слышал? Давай.

– Чумовое имечко, – хмыкнул идиот, протягивая мне трубку. – А я Никита. Отдаю супертелефон за стольник, чтобы ты поняла, с кем имеешь дело. В любом магазине аппарат, который ты сейчас за сотню получила, стоит несколько тысяч. Я успешный, богатый бизнесмен, который может дарить подарки. Если девушка понравилась, мне для нее ничего не жалко. Что ты сегодня вечером делаешь?

Я махнула рукой и услышала тихое звяканье. Звук меня насторожил, но тут Никита повторил:

– Так какие у тебя планы на вечер?

– Сначала уложу спать близнецов, потом с мужем и его тремя братьями, чемпионами по борьбе без правил, чай пить будем, – прошипела я и, злая до невозможности, вылетела на улицу.

– Степашечка, – залепетала Надя, – ты в порядке?

– Да, – отмахнулась я и нажала на зеленую кнопку своего приобретения.

Модель у телефона точь-в&точь как та, что была у меня час назад. Никаких проблем с ее использованием не будет.

Экран из черного стал голубым, появилось изображение рыжей кошечки с огромными зелеными глазами. Все понятно! Мне дали аппарат, украденный у какой&то девушки. Даже симку из него не выбросили! Просто предел наглости!

– Эй, Степанида… – послышалось сзади.

Я обернулась. Никита вышел из своей микроскопической лавчонки и, улыбаясь, как поросенок при виде ведра с кормом, буравил меня глазами.

– Что надо? – процедила я, пытаясь вспомнить номер Андрея. Петров – ювелир, он может в короткий срок не только починить украшение, но и сделать красивое кольцо или браслет, телефон у него совсем простой. Вроде семьсот двадцать два…

– Степанида! – снова окликнул меня Никита. – Хочешь новый айфон?

Я сделала вид, что не слышу его, сдула с лица прядь волос, но та снова упала на щеку. Левой рукой я убрала непослушный локон за ухо, увидела свое запястье и на секунду встревожилась – что&то было не так. И тут в голове вновь возник вопрос: так как соединиться с Андрюшкой? Надо сосредоточиться. Семьсот двадцать два…

– Белый айфон, – увеличил громкость Никита. – Новенький, совсем не замацанный. О’кей? Сходим в клуб вечером, и получишь его. У Кольки сегодня днюха, а я без бабы. Идет?

Я не справилась с накатившим раздражением.

– Я что, похожа на девку, которая готова переспать с первым встречным за китайскую подделку?

– Предлагаю родной! – оскорбился Никита. – Бесплатно! В подарок! Я щедрый, ты уже должна была это понять. И богатый.

– Отстань! – буркнула я.

– И чехол в придачу, – добавил Никита. – Айфон и чехол. Даром.

В ту же секунду на меня налетела какая&то тетка, несущаяся по рынку с безумным видом. Я пошатнулась, наступила на что&то мягкое, стала падать, но была благополучно подхвачена мужчиной лет шестидесяти пяти, одетым в темно-коричневый пуховик, довольно удачно прикидывающийся изделием дорогого бренда.

– Напилась с утра? – рявкнул он и ущипнул меня за попу.

Я отшатнулась от наглого пенсионера и вбежала в дверь какого&то магазинчика. Там, думая лишь о том, что надо немедленно соединиться с Петровым, машинально вошла в телефонную книжку мобильника, увидела окошко с надписью «Поиск» и вбила туда имя «Андрей». Ура! Готово!

– Алло! – раздался сонный голос.

Ко мне вернулось прекрасное настроение.

– Привет, Андрюша.

Петров молчал.

– Милый, ты меня слышишь? – усердно подделываясь под гламурную блондинку, просюсюкала я. – Котик, отзовись!

– Кто это? – каким&то странным, напряженным голосом прохрипел Андрей.

– Не узнал свою заю? – дурачилась я. – Забыл меня? Похоронил навсегда?

– Кто это? – повторил Петров.

– Твоя любовь, – пропела я.

– Ты где? – невпопад спросил ювелир.

Мне стало смешно. Все понятно, вчера Андрюша напился до белочки. Петров не алкоголик, но иногда позволяет себе расслабиться, и тогда – тушите свечи. Выпив бочку спиртного, наутро он не помнит ничего. Об этой особенности ювелира знают все его знакомые и прикалываются над ним. Например, звонят ему на следующий день, рассказывают небылицы и слушают, как бедный Андрюша бормочет: «Я такое творил? Не может быть…»

– Кто это? – шептал растерянный Петров. – Кто?

Я придала голосу визгливости.

– Ваще крутняк! Не узнаешь свою заю? А как же наша любовь? Ты обещал бросить жену, отвести меня в загс. Что происходит? Андрюшенька, мне тут плооохооо! Страааашно! Одинокоооо!

Последнее слово я пропела совсем уж мерзким тоном.

– Это ты… – пробормотал собеседник. – Ты?! О боже, ты!

Я пришла в восторг. Розыгрыш удался на славу!

– Конечно, я, кто же еще. Или у тебя есть другая зая? О, я ревнуюююю! Ты завел новую девчонку?

– Это ты… – вновь еле слышно произнес Андрей. – Ты где?

Я подавилась смехом, увидела на стене рекламный плакат, изображающий черта с пакетом леденцов в руках, и отчеканила:

– В аду!

– Но… телефон… номер… – бессвязно забормотал Петров.

– За хорошее поведение в преисподней разрешают позвонить, – нашлась я. – В особенности тем, кого, как меня, убилиии!

Из телефона донеслось то ли кваканье, то ли карканье, и я пожалела, что произнесла последнюю фразу. Ну, сейчас ювелир наконец&то сообразит, что над ним прикалывается некто из знакомых. Интересно, где он вчера гулял и сколько выпил? Сегодня Петров тупит, как никогда раньше.

Звуки, долетавшие из трубки, стали напоминать бульканье. Я решила красиво завершить спектакль:

– Знаю все твои маленькие грязные тайны. О! Сколько мне всего про тебя известно! Но не буду откровенничать, просто напомню: я в курсе всего. И что ты теперь предложишь своей зае?

– Да… – начал было Андрей и тут же пропал.

В трубке воцарилась тишина. Потом зазвучал равнодушно-официальный женский голос: «На вашем счете не хватает средств для продолжения разговора. Если хотите получить мгновенный кредит, позвоните по бесплатному номеру ноль-ноль-ноль двенадцать…»

Я уставилась на телефон. Что за чушь? У меня безлимитный тариф! В чем дело? Экран мигнул, появилось изображение рыжей кошечки и сразу погасло. У мобильника еще и разрядилась батарейка.

И тут только до меня дошло, что произошло. Украденная у меня трубка была точь-в&точь как та, что я держу в руке. Когда я получила от Никиты сотовый, он тут же стал приставать ко мне, решив, что симпатичная, модно одетая девушка согласится пойти с ним в клуб. Потом меня толкнули, я чуть не упала, но какой&то пенсионер помог удержаться мне на ногах, за что ему, конечно, гран-мерси. Правда, одновременно дедок не постеснялся распустить скрюченные от артрита лапы и ущипнул меня за попу. Мое негодование зашкалило за все пределы, но воспитание удержало от адекватного ответа. Если б ко мне посмел прикоснуться ровесник, то получил бы по полной программе, я могу постоять за себя.

Любая москвичка, пользующаяся общественным транспортом, быстро обучается приемам самообороны. Самый простой из них – наступить изо всей силы шпилькой на ногу наглеца, повертеть ею, повторить «процедуру» с самым невозмутимым видом. Наилучший эффект достигается, если у сластолюбца обувь из замши, вельвета или какого&нибудь текстиля. Но и обладателям кожаных ботинок приходится несладко. Уж поверьте, это не раз опробовано на практике.

Однако делать больно посыпанному пылью веков деду, из которого вдобавок сыплется песок, как&то нехорошо. Чтобы случайно не врезать престарелому донжуану, я влетела в ближайший магазинчик и на автомате вошла в память телефона. А теперь, внимание! Эта модель не открывает пользователю сразу весь список контактов, сначала появляется окошко со словом «Поиск». Вы вбиваете в него нужное имя или фамилию, и аппарат набирает номер. Это удобно – нет необходимости рыться в телефонной книге. Я, забыв от переживаний, что держу в руке чужой мобильник, написала «Андрей», и, вуаля, произошло соединение с неким тезкой ювелира.

Да, нехорошо получилось. Надеюсь, незнакомец сразу забудет дурацкий звонок. Может, опять позвонить ему и извиниться, объяснив, что его имя чуть ли не самое распространенное в России? Если не верите, посмотрите, сколько у вас в телефонной книжке «Андреев», один уж точно обнаружится.

Я понажимала кнопки, поняла, что аппарат окончательно «умер», вышла на улицу и сердито сказала Никите, который по&прежнему маячил около своей будки:

– У трубки баланс на нуле, и она разрядилась.

– Могу дать бесплатно зарядку, – предложил продавец. – Еще и айфон получишь, прямо в клубе вечером тебе его отдам.

– В следующий раз, когда будешь брать на продажу ворованный сотовый, требуй, чтобы у него на счете был нормальный денежный запас, – велела я и, подхватив обалдевшую от происходящего Надю под руку, потащила ее к воротам.

– Эй, Степанида! Козлова! – заорали сзади. – Если передумаешь, я работаю до девяти. Приходи в начале десятого. Тусанешься бесплатно и получишь крутой гаджет.

– Тебе продали украденный телефон? – робко осведомилась Надюша, когда мы сели в такси, за рулем которого восседала коротко стриженная тетка лет пятидесяти.

– Всего за сто рублей, – пояснила я. – Сразу не поняла, что мобильник ворованный, сообразила, только когда увидела заставку на экране. Потрясающая наглость – из аппарата даже симку не вытащили. Вот, смотри… Фу, он же разрядился, я не могу показать тебе фото кошки.

– Стольник за такую шикарную трубку? – покачала головой Надя. – Похоже, ты просто понравилась продавцу, он захотел с тобой познакомиться, вот и отдал телефон за копейки, думал, ты из благодарности благосклонно на него посмотришь.

– А еще этот идиот предложил мне за поход в клуб айфон! – возмутилась я. – Неужели я похожа на дурочку, готовую на все ради дорогой игрушки?

– Конечно, нет, – сказала Надюша. – Просто парень дурак. И, похоже, он с похмелья, я почувствовала запах спиртного, когда он рядом стоял.

– Эх, девчонки… – неожиданно вмешалась в нашу беседу таксистка. – Сказок вы, что ли, в детстве не читали?

Мы с Надей переглянулись. Кажется, сегодня у нас день встреч со странными людьми.

– А в них собрана народная мудрость, – вещала тетка. – Ну-ка, вспомните про сестрицу Аленушку и братца Иванушку. В чем там суть, а?

Я отвернулась к окну, решив, что мне уже хватит общения с назойливыми незнакомцами. Наденька же вежливо ответила:

– Наверное, в том, что нужно слушаться старших.

– Нет, там совсем другая фишка: всякий мужик, если выпьет, превращается в козла, – заявила таксистка. – Сестрица Аленушка на примере братца урок всем нам, дурочкам, преподнесла.

Я помимо воли рассмеялась. Надя выдавила из себя:

– Понятно. Спасибо, что разъяснили.

Потом она дернула меня за руку.

– Степа, а почему ты не взяла мой телефон, если тебе позвонить потребовалось?

Вопрос застал меня врасплох.

– Не знаю, – честно ответила я. – В голову не пришло.

Некоторое время мы ехали молча, потом Надюша прошептала:

– Я не умею решать свои проблемы, привыкла, что все разруливают Катя, папа и Нюрочка. А вот ты, наоборот, слишком самостоятельная, не допускаешь и мысли, что у кого&то можно попросить помощи. Нас с тобой хорошо бы перемешать и разделить поровну, тогда получатся две нормальные девушки.

– Наверное, ты права, – улыбнулась я. – Все, прямо сейчас начну исправляться. Ну-ка, дай мне свою трубку…

Надя начала копаться в сумке.

– А что с краденой сделаешь? – спросила она, доставая сотовый.

– Для начала поставлю ее на зарядку. Потом пороюсь в контактах, вероятно, найду там номер со словом «мама», «дом» или «зая» и позвоню по нему. Скажу, что украденный мобильник у меня. Алло, Иришка? Сделай одолжение, поговори с ювелиром. Да, с Андреем. Передай ему просьбу Романа Глебовича…

Коллега выслушала меня, пообещала сделать все через секунду и поинтересовалась:

– У тебя новый номер?

Мне пришлось рассказать Ире про то, что я стала жертвой вора.

– Ой, вот же гады! – возмутилась она. – Хорошо, что сумку не порезали. Как мне с тобой соединиться, если Андрей начнет вопросы задавать?

– Звони по определившемуся сейчас номеру. Мой заработает вечером, – сказала я.

И уже отдавая телефон Наде, с запозданием поинтересовалась:

– Ничего, что я сообщила твой контакт Иришке? Не волнуйся, она не из тех, кто станет надоедать.

– Оставь пока трубку у себя, – предложила Надюша. – Мне никто, кроме Нюрочки, не звонит, а бабуля никогда не наберет мой номер до шести вечера – не хочет мешать моей учебе. А где твой браслет?

Глава 6

Я посмотрела на свое запястье и чуть не разрыдалась.

– Ой, браслета нет! Потеряла! Как жаль… Он такой красивый, а главное, это подарок Белки. Бабушка расстроится.

Надюша погладила меня по плечу.

– Давай попытаемся вспомнить, где ты его посеяла.

– Замечательная идея, – вздохнула я, – но невыполнимая.

– Почему? Вовсе нет, – возразила Надя. – Меня Нюра когда&то научила, как надо поступать в таких случаях. Отвечай на вопросы. Уходя из дома, ты надела браслет?

– Да, – подтвердила я.

– Точно?

Я кивнула.

– Отлично, – обрадовалась Надя. – Тату-салон. Там украшение было? Ты его видела?

– Я открывала дверь, когда мы уходили, браслетик перевернулся, и я поправила его.

– Супер! – обрадовалась подруга. – Теперь магазин с телефонами. Вот ты в него входишь… Дальше?

– Приблизилась к прилавку, браслет был на месте, он стукнулся о стальное обрамление стойки, я позвала продавца, – методично перечислила я свои действия. – О!

– Что такое? – забеспокоилась Надюша.

– Помню, услышала тихое звяканье, – протянула я, – но тут парень за прилавком начал нести чушь, и я забыла про это. У браслета примитивная застежка: надо

всунуть тонкую пластинку в узкую дырочку, а потом накинуть небольшую петельку на выступающий шпенек. А я вечно забывала это сделать. Сколько раз говорила себе: «Степа, будь внимательна, иначе потеряешь подарок Белки». И вот сегодня это таки случилось.

– Ты обронила украшение у прилавка, – сделала вывод Надя. – Надо вернуться и поискать браслет.

– Мне совершенно не хочется вновь встречаться с глупым Никитой, – нахмурилась я. – И не факт, что браслет свалился с руки именно там. Хотя…

– Ну? – поторопила меня Надя. – Говори.

– Когда я вышла на улицу и стала рассматривать купленный телефон, украшения на руке уже не было. – Из моей груди вырвался вздох. – Я тогда посмотрела на левое запястье и подумала: что&то не так… Но тут Никита вышел и стал снова приставать, я разозлилась.

– Мы нашли браслет! – захлопала в ладоши Надя.

Я молча спрятала ее мобильный в свою сумку. Ну, не стоит пока ликовать, ведь симпатичное украшение мог подобрать любой из покупателей, заглянувших в убогий ларек.

В студию мы приехали за десять минут до назначенного времени. Следующие два часа Надюшу кропотливо готовили к съемке – мыли ей голову, делали укладку, макияж, подгоняли одежду.

Тем, кто не имеет отношения к фэшн-бизнесу, кажется, что работа модели сплошной праздник. На самом деле это нудный, тяжкий труд. Мне бы никогда не захотелось делать карьеру на «языке», хотя я там весьма успешно выступаю, когда Франсуа Арни демонстрирует новый макияж сезона. А еще я хорошо знаю, как бесправны манекенщицы. Не спорю, они выглядят шикарно, и кажется, будто именно эти девушки с застывшим выражением на лице, представляющие очередные коллекции, являются аристократками мира моды. Увы, нет, они его рабыни, которых в случае болезни или при первых признаках увядания моментально попрут из профессии. И звезды, сидящие в первых рядах на показах Шанель-Гуччи-Прада и иже с ними, – всего лишь приглашенные люди, их

присутствие свидетельствует об успешности брендов и привлекает в магазины толпы покупателей. Настоящими рулевыми модной индустрии являются женщины и мужчины в простой, хотя, конечно же, элегантной одежде без какой&либо вычурности, без яркого макияжа и эпатажной обуви. Они присутствуют на всех показах, не привлекая к себе внимания ни зрителей, ни прессы. Но именно с ними спешат первыми поздороваться те, кто создает новинки одежды, косметики, бижутерии, аксессуаров, потому что это байеры, закупщики коллекций для крупнейших универмагов Нью-Йорка, Парижа, Лондона, Москвы, Токио. Если предложенные модельером вещи отвергнет сообщество байеров, он разорится.

Лично мне, например, никогда не стать закупщиком. Во&первых, я очень люблю работу визажиста, а во&вторых, байер, который ворочает миллионными бюджетами, обязан прекрасно знать математику и законы рынка. Ведь он тратит не свои, а хозяйские деньги на приобретение товара и может получить по шапке, если ошибется в его выборе. Ну, допустим, заполнит магазин зелеными мини-платьями, а народ пройдет мимо них, отвернув нос. Нет уж, лучше мне работать с Арни и получать удовольствие от своего занятия.

В тот момент, когда Надю поставили в центре студии на фоне белого экрана и Роже прильнул к стоящему на штативе фотоаппарату, у меня в сумке запищал сотовый. Чтобы не мешать Винтеру, я выскочила в коридор и, думая, что меня разыскивает коллега, сказала в трубку:

– Слушаю, Иришка! Ты нашла Андрея?

Но в ответ раздался незнакомый хрипловатый женский голос:

– Здравствуй, Надя. Ты помнишь свою мать Алену?

От неожиданности я выпалила:

– Да. – И тут же прикусила язык.

– Она очень нуждается в твоей помощи, – продолжала незнакомка.

На секунду мне стало жутко, а женщина говорила дальше:

– Плохо ей. Столько мучений Алене досталось! Тебе не стыдно, что мать в беде бросила?

Я, наконец, справилась с оторопью.

– Вы ошиблись номером.

– Надежда Барашкова? – уточнила собеседница. – Отца твоего Леонидом зовут, деда Ильей Львовичем, а бабку Анной Константиновной, ведь так?

– Да, – выдавила я из себя. – А вы кто?

– Полина, – коротко представилась звонившая. И тут же добавила: – Мы с Аленкой вместе чалились.

– Что вы делали? – не поняла я.

В ответ раздался смешок.

– На зоне сидели.

Я пришла в себя.

– Извините, но Алена Барашкова погибла, ее сбила машина. Если еще раз посмеете позвонить по этому телефону, передам ваш определившийся номер в полицию. Пусть там разбираются с Полиной, если, конечно, это ваше настоящее имя.

– Вон ты какая… резкая… – протянула собеседница. – Нет, Алена жива. Никто ее не сбивал, все наоборот, это она женщину задавила. И так дело вывернули, что получилось, будто села она за руль под наркотой и не справилась с управлением.

– Не порите чушь! – возмутилась я. – До свиданья.

– Эй, погоди! – крикнула собеседница. – Мне от тебя ничего не надо, денег просить не стану.

– Зачем тогда звоните? – невольно втянулась я в разговор.

– Аленку жалко, – вздохнула Полина. – Она о тебе часто рассказывает, очень тоскует. Леонид ей велел: «Не смей с нами общаться, ты семью опозорила. Испарись из нашей жизни, не ломай Наде судьбу, ей такая мать – уголовница и наркоманка – не нужна. Проклинаю тебя на всю твою непутевую оставшуюся жизнь». Во какой! Богатый, с положением, а собственную жену прямо под трактор положил. Но Алена его приказ выполнила – для всех умерла.

– И дала вам номер дочери, чтобы вы ей правду рассказали? – фыркнула я. – Нестыковка получается.

– Пургу&то не гони! – сердито произнесла собеседница. – Я тебе по возрасту в матери гожусь, имей уважение. Ни о чем Аленка не просила, я сама решила тебе звякнуть.

– Чудесная идея, – хмыкнула я. – Где ж телефон раздобыли?

– Сестра моя работает в офисе мобильной связи, она и помогла, – бесхитростно призналась Полина. – Барашкова Надежда Леонидовна с таким годом рождения в базах одна оказалась. Я про тебя и твою семью много чего знаю. Ночи на зоне длинные, спится плохо, вот и болтали мы с Аленой о разном тишком. У нас койки рядом стояли, и тумбочка одна на двоих, ее полка верхняя, моя нижняя…

– Уважаемая Полина, – отчеканила я, перебив ударившуюся в воспоминания женщину, – повторяю, Алена Барашкова скончалась много лет назад. Нам незачем продолжать разговор. И напоминаю: у меня определился ваш номер.

– И что с того? – совершенно не испугалась баба. – Я его не скрываю.

– Понимаю, – произнесла я, – вы пользуетесь купленной из&под полы незарегистрированной симкой и не боитесь, что вас поймают. Но прямо сейчас я соединюсь со своим другом, который служит в одном интересном месте, и ему хватит десяти минут, чтобы выяснить правду об Алене.

– Во-во, и отлично! – совершенно неожиданно обрадовалась шантажистка. – Пусть он тебе подтвердит: Елена Борисовна Клепикова на зоне срок мотала. Помню, ей до чистого, не в клетку, неба оставалось несколько месяцев, и она очень напуганная в преддверии освобождения ходила.

– С чего испытывать страх, если скоро выйдешь на свободу? – удивилась я. И тут же рассердилась на себя за глупость: не нужно поддерживать беседу с женщиной, которая зачем&то решила наплести Наде столько небылиц про ее покойную мать.

Полина шумно вздохнула.

– Свобода… На вид это сладко, на вкус горько. В кино американском красиво показывают – выходит зэчка за ворота, а там уж в машине ее ждут муж, ребенок, родители. Все от радости скачут и повизгивают: «Как хорошо! Ты снова с нами! Искупила свою вину за преступление и теперь можешь начать новую жизнь». Не знаю, может, у штатников именно так и бывает, но у нас все иначе. Вышвырнули тебя с зоны – вали куда ноги идут. А на то, что тебе кто&то из родни букет преподнесет, рассчитывать не стоит. Жить негде, работы нет, денег тоже, здоровье подорвано…

– Сейчас заплачу от жалости, – перебила я собеседницу. – Маленькое уточнение: не воруй, тогда и не попадешь в тюрьму.

– Да что ты знаешь! – возмутилась Полина.

Я быстро нажала на отбой и положила трубку в карман. Но телефон затрезвонил снова.

– Слышь, не будь сволочью! – выпалил тот же грубый голос. – Мать твоя сейчас в больнице, но ее там больше трех месяцев не продержат, отправят в дом престарелых, в город Борск, где она скорехонько помрет. Семья от Аленки открестилась, и я их не виню – кому наркоманка нужна? Но ты же дочь! Съезди к мамке, принеси ей одежду, обувь, а главное…

Я снова нажала на отбой. Потом набрала хорошо знакомый номер, услышала официальное: «Якименко» – и сказала:

– Привет, Игорь! Степа тебя беспокоит.

– Как дела? – изменил тон приятель. – Ты в Москве? Слушай, если полетишь в Париж, привези снова те капли в глаза для Кирки. Суперсредство.

– Непременно сделаю, – пообещала я. – У меня к тебе просьба.

– И почему я совсем не радуюсь, когда слышу эти слова от знакомых? – вздохнул Игорь. – Дай угадаю… У Белки отобрали права, потому что она развернулась через две сплошные? Вовремя ты меня дернула, завтра б уже в Москве не застала – улетаю в командировку во Владивосток. Говорят, там красная икра на рынке почти даром. Сейчас звякну в ГАИ…

– Не торопись, – остановила я Игоря, – бабуля пока не нарушала правил.

– А в чем дело? – насторожился следователь. – Говори уже.

Услышав про звонок Полины, Якименко потребовал быстренько продиктовать высветившийся у меня на экране номер ее телефона, записал имя, отчество и фамилию матери Нади и пообещал:

– В момент все разузнаю.

Я осталась в коридоре и почему&то испугалась. Странная история. Алена давно мертва, Леонид счастливо женат на Кате. Кто такая эта Полина, зачем ей понадобилось звонить Наде? Сначала мне подумалось, что тетка вульгарная шантажистка. Она говорила, будто Алена отбывала срок, и я так и ждала заключительной фразы: «Гони деньги, тогда никому не расскажу, что ты дочь заключенной». Но эти слова не прозвучали, последовала просьба навестить мать. Чего же добивается эта Полина? Хочет заманить куда&то Надю? С какой целью? Надюша очень тихая девушка, не сможет обидеть даже мышь, нагло поселившуюся в ее комнате. Общается с ограниченным числом людей, в основном с родственниками. Она не охотится на чужих мужей, не сплетничает, не делает карьеру, шагая по головам, скромно одевается, не носит броских украшений, не ездит на шикарной машине, не имеет богатого красивого жениха, ей никто не будет завидовать. Думаю, подавляющее большинство студентов вуза, где учится Барашкова, не обращают на нее ни малейшего внимания и понятия не имеют, как зовут высокую, чрезмерно худую девушку, не

примыкающую ни к одной из веселых компаний. Кому могла помешать Наденька? Кого она разозлила или оскорбила? Кто хочет разбередить Наде душу сообщением о якобы живой матери?

Глава 7

– Устала? – спросила я у нее, когда мы сели в такси.

– Нет! – ажитированно воскликнула она. – Как ты думаешь, что&нибудь из этого получится?

– Винтер в восторге, – улыбнулась я. – Надеюсь, ты станешь его любимицей. Роже отлично знает себе цену. Я имею в виду прямой денежный смысл этого выражения. Он не ведет дел с какими&нибудь мелкими изданиями, сотрудничает с «Вогом», «Офисьель», причем в основном с их американскими, английскими и французскими филиалами. Едва твое изображение появится на их страницах, как к тебе помчатся скауты из модельных агентств.

– Но у меня нет специального образования! – испугалась Надя.

– Вот уж ерунда, – засмеялась я. – Университетов для моделей не существует, всему, что нужно, тебя научат в процессе. Главное – не капризничать, не увлекаться алкоголем, не зажигать, так сказать, звезду – и сделаешь карьеру на подиуме. У тебя для этого есть все данные. Ты не устала?

– Ни капельки, – заверила Надюша.

Я посмотрела на ее порозовевшее личико. Вот ведь точно, все хвори у Надежды от того, что старшие заставляют ее жить так, как им хочется. Барашкову с детства затюкали, она боится возразить отцу и мачехе, бабушке с дедушкой, покорно подчиняется им. А ведь ненавидит свою будущую профессию переводчика, хочет стать частью фэшн-мира.

Каждое утро Надя тащится на лекции, с тоской думая: «Еще один скучный день в аудитории… ноги в институт просто не идут…» В конце концов мозг бедняжки

находит выход, как избавиться от нудной повинности, отдает приказ телу, и – начинаются болезни. Естественно, дочку с температурой, головной болью, гастритом-колитом, артритом и еще бог знает с чем родители в аудиторию не отправят. Они разрешат Наде остаться дома, и она наконец&то получит возможность заниматься чем&то по своему выбору. Только круг вскоре замкнется – девушке все&таки придется снова тащиться в институт, и опять на нее навалятся разные хвори… Но сегодня Наденька выдержала большую съемку, многократно переодевалась в прохладной комнате, стояла босиком на полу, замирала в неудобной позе, ее постоянно запудривали, обливали волосы лаком, накладывали-смывали макияж. И что? Чихающая от легкого дуновения ветерка и покрывающаяся красными пятнами, если кто&то из домашних использовал в квартире парфюм, Надюша ни разу не кашлянула, не шмыгнула носом на протяжении нескольких часов. Наоборот, она сейчас выглядит как майская роза, так похорошела. И вот что удивительно, девушка, обычно хмурая, улыбается во весь рот.

– Мне пообещали заплатить деньги, – вдруг сказала Надя.

– Конечно, – кивнула я, – скоро их получишь. Сначала заплатят скромную сумму, но если ты не будешь капризничать и станешь прилежно работать, гонорар быстро вырастет. Некоторые модели прекрасно зарабатывают и ни от кого не зависят.

– Ни от кого не зависят… – эхом повторила Надюша. – Знаешь, я ведь не подумала про заработную плату, и очень глупо получилось. Какая&то женщина ко мне подошла, протянула бумаги и сказала: «Подпишите договор, указанную сумму сможете получить через семь рабочих дней». А я не поняла и спросила: «Мне надо будет рассчитаться с вами за съемку? Сколько принести?» Она так смеялась! Я дура, да?

Я погладила Надюшу по руке и решила осторожно обсудить с ней интересующую меня тему. Но заезжать следует издалека и тщательно обдумать, как начать беседу.

– Ты просто растерялась. Ничего, скоро привыкнешь. Главное, не поймай звезду, работай старательно, ты имеешь все данные для карьеры модели: прекрасная фигура, высокий рост.

– Я в маму пошла, – пояснила Надюша. – Вроде она в юности в баскетбол играла.

– Почему «вроде»? – обрадовалась я удачному повороту беседы. – Она тебе рассказывала о спортивных занятиях?

Надюша обхватила руками колени.

– Я ее плохо знала.

– Маму? – уточнила я.

Барашкова отвернулась к окну.

– Согласна, это звучит странно, но… Она была журналисткой, писала статьи про «горячие точки». Сколько себя помню, мать постоянно находилась в командировках, летала в разные места, в Москве не сидела. Иногда ее месяцами не было дома.

– Где она работала? – спросила я.

Надя пожала плечами.

– Вроде на телевидении.

– Неужели у вас дома не говорили о работе Алены? – удивилась я.

Надюша повернула голову.

– Нюрочка и дедушка придерживаются старых правил воспитания. По их мнению, дети не должны присутствовать при обсуждении проблем взрослых. Им незачем сидеть вместе со старшими за одним столом. Кроме того, я была малышкой и совершенно не совпадала с родителями по графику. Меня в семь тридцать утра шофер отвозил в детский сад, он же доставлял на музыкальные занятия или к репетиторам по языкам. Спать я укладывалась в восемь вечера. Когда общаться с папой? Мама же, повторяю, постоянно находилась в разъездах. А потом меня отправили в Англию.

– Ты училась за границей… – протянула я.

– Завидовать тут нечему, – печально сказала Надя. – Дедушка и Нюрочка считают, что знание английского и французского гарантирует мне счастливую жизнь. Дед подобрал в Великобритании школу, где не было ни одного русского ребенка. Она открыта при одном из университетов, и потом можно продолжить в нем обучение. Подъем в шесть утра, холодный душ, завтрак из овсянки и жидкого кофе, занятия до обеда, на который подавали кучу овощей, тонюсенький ломтик баранины или крохотный кусочек рыбы, затем спорт, чай с кексами, прогулка, ужин с основным блюдом под названием пудинг… Брр! Такая гадость этот их пудинг! В особенности если с почками. Спали мы по шесть человек в дортуарах, отопление никогда не включали, а одеяла там тонюсенькие, и даже зимой, в самую сырость, окна были нараспашку. При этом постоянный контроль воспитателей, от которых ничто не ускользало.

– Зато ты идеально выучила английский, – пробормотала я.

– Это правда, – согласилась Надюша. – А еще французский и латынь. Последняя мне более всего в жизни пригодится. Прямо вижу, как весело болтаю на языке древних римлян с продавщицей в московской булочной. Кстати, о магазинах. Я в Англии так одичала в элитной детской резервации, что потом, вернувшись на родину, не знала, как булочку купить. Встану у кассы, и сначала в голове английская фраза возникает, потом французская. Русская последней прорезывалась.

– Забавно, – улыбнулась я. – А когда ты снова в Россию вернулась?

– В пятнадцать лет. Папа уже не первый год был женат на Кате. Нехорошо так говорить, но мать для меня – посторонний человек. Она иногда присылала мне письма по электронке, но они были словно под копирку: «Дорогая Надя! Я рада, что у тебя хорошие успехи. Учись прилежно. Слушайся воспитателей». Ну, и еще пара фраз в том же духе. На день рождения и к Новому году я от нее получала подарки – коробки дорогих конфет. Причем не российских. Я сразу поняла, что сладости по просьбе матери покупает администрация школы. Алена никогда не появлялась в Англии, хотя лететь не так уж долго. Что такое четыре часа в самолете для женщины, которая постоянно мотается туда&сюда по свету?

– Тебе, наверное, было очень одиноко, – пожалела я Надюшу.

Она неожиданно рассмеялась.

– Нет. В школе у меня было много подруг, и учителя очень хорошие. Строгие – да, но стоило подойти к ним с вопросом или проблемой, как они откладывали все дела и занимались исключительно мной. Одиноко мне стало, когда я вернулась в Москву. Вот тут – никого знакомых, кроме родных, которые казались мне чужими. Я два года занималась в экстернате, чтобы восстановить русский язык, получить аттестат российской школы и возможность поступить в вуз в Москве.

– Почему тебя не оставили в Англии? – удивилась я. – По&моему, это абсолютно нелогично – отправить девочку изучать иностранный язык в зарубежную школу, а потом устраивать ее в московский институт.

Надюша пожала плечами.

– Мне ничего не объяснили. Дедушка просто объявил: «Готовься поступать на отделение литературного перевода». И я не спорила. Какая разница, куда? Самой мне хотелось в театральное училище, но Нюрочка чуть в обморок не упала, когда я вслух свое желание высказала. Закричала: «Илюша, ты слышишь, что говорит наша внучка? Нет, никогда! Там наркотики!»

– Интересная реакция, – усмехнулась я.

– У бабушки пунктик, – скривилась Надя, – ей повсюду наркотики чудятся. Я один раз, еще на первом курсе, купила баночку энергетического напитка… Шла сессия, я все время в библиотеке сидела, глаза слипались. Смотрю, девчонка за соседним столом постоянно какие&то банки опустошает. А она заметила мой взгляд и сказала: «Чего уставилась? Всего&то энергетик. От него в голове светлеет, и сон с ног не валит». Ну, я и решила попробовать. Взяла в супермаркете бутылочку под названием «Огненная молния», принесла домой. Подумала: выпью вечером, просижу спокойно ночь над книгами, утром ведь экзамен сдавать. И вот, сижу я в своей комнате, занимаюсь, а тут бабушка в спальню вошла. Сначала она спокойно спросила: «Какой сок купила? Я никогда не видела такой упаковки». Я сдуру повторила фразу той девчонки про ясность в голове и бессонницу.

Надя поежилась.

– Ты бы видела, что тут началось! Через час в дом съехались врачи, примчались отец, дедушка. А дед никогда не бросает работу, что бы ни случилось, говорит: «Разберусь с этим вечером, прекратите истерику». А тут прилетел. И завертелась катавасия. Меня повезли в больницу, выкачали всю кровь на анализы, выяснили, что я не прикасалась ни к каким запрещенным препаратам, и лишь тогда успокоились. Нюрочка очень боится, что я подсяду на иглу. Всякий раз, когда доктора мне новые таблетки выписывают, бабушка им допрос устраивает: «Лекарство не вызывает привыкания? Что там в составе? Нет ли эфедрина-кодеина-кофеина? Нельзя ли заменить пилюли лечебными травами?» Говорю же, ее переклинило на наркоте.

– Анна Константиновна часто смотрит новости и читает газеты на ночь, – вздохнула я, – а сейчас даже издания, где пишут о разведении кроликов, постоянно рассказывают о том, как молодежь нюхает волшебный порошок и ест таблетки, как конфетки.

– Поэтому у меня и друзей нет, – не обращая внимания на мои слова, продолжала Надюша. – Как только я поступила в институт, попыталась наладить контакт с однокурсницами – пригласила трех девочек на день рождения. Нюрочка накрыла стол, мы посидели пару часов, ничего криминального не совершали. Девушки пришли со своими мальчиками, никто не шумел, не ругался, не дрался, не напивался. Ну прямо вечеринка в доме престарелых, посвященная сто восьмой годовщине герцогини! А на следующий день Нюрочка запретила мне с теми ребятами общаться.

– Почему? – удивилась я.

Барашкова начала загибать пальцы.

– Одна выпила три чашечки кофе – она явно страдает зависимостью от кофеина и скоро перейдет на героин. Вторая слопала четыре куска торта – девушка явно страдает зависимостью от сладкого и скоро перейдет на героин. Третья практически ничего не ела, пила одну минералку без газа, значит, страдает булимией-анорексией и уже перешла на героин. Парень первой гостьи часто выходил курить – он страдает никотиновой зависимостью и скоро подсядет на героин…

– Можешь не продолжать, – поморщилась я. – Представляю, как вам с Лизой тяжело.

– К Елизавете Нюрочка так не привязывается, хотя ей тоже достается, – грустно констатировала Надюша. – Бабушка разделила свои фобии: я больная инвалидка и потенциальная наркоманка, а Лиза может погибнуть в автоаварии или попасть в руки маньяка-насильника. Сестра поет в группе, музыкантов приглашают на всякие вечеринки, и Лиза часто приходит поздно. А наутро бабушка ей мозг выносит. Да ты сама все слышала, если за завтраком в тот момент оказывалась. Погоди, Нюрочка и для тебя вскоре что&нибудь придумает. Дед постоянно выслушивает, что повышенный холестерин приводит к инфаркту-инсульту, а значит, ему нужно придерживаться той диеты, которую разработала жена. Папа курит – сигареты его убивают, и еще ему нельзя пить грейпфрутовый сок и есть эти плоды. А отец, как назло, обожает грейпфруты, может пару кило за раз слопать.

– Что плохого в цитрусовых? – удивилась я. – В них много витамина «С».

Надя поморщилась.

– Бабушка считает, что у курящего человека грейпфрут вызывает инфаркт. Ну не бред ли? Уж не знаю, правда ли это, но Нюрочка уверена, что грейпфруты погубят ее сына. Катя слишком сильно красится, а всем известно, что женщина за год съедает около двух кило губной помады, в которой содержатся канцерогены.

– Никогда не думала на эту тему, – пробормотала я.

Надя погрозила мне пальцем.

– Вот&вот! Тональный крем проникает сквозь кожу в кровь и губит печень. Тушь вызывает слепоту, от крема для тела может возникнуть чесотка, лак для ногтей делают из нефти… Нюрочка вечно сидит в Интернете и подковалась по всем вопросам. Но обрати внимание: она чморит каждого за свое. Если я войду на кухню и от меня будет пахнуть кремом или вообще появлюсь размалеванной во все цвета радуги и в микроюбке, Нюрочка и слова упрека не обронит, потому что я – потенциальная наркоманка. Лиза же может глотать на глазах у нее разноцветные таблетки из флаконов без этикетки, а бабушка даже не чихнет,

так как Елизавете суждено попасть в лапы маньяка или врезаться на своей машине в слона на МКАД.

– Смешно, – улыбнулась я.

– Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда Нюрочка и для тебя фобию подберет, – грустно произнесла Надюша.

Глава 8

Я хотела сказать, что все страхи Анны Константиновны базируются на ее безграничной любви к членам семьи, но тут в сумке громко запел сотовый. Оказалось, меня искал Игорь Якименко.

– Слушай, – коротко велел следователь, – докладываю. Елена Борисовна Клепикова, в браке Барашкова, жена Леонида Ильича, мать Надежды. Ты о ней хотела узнать?

– Да, – коротко ответила я.

– Она жива, – заявил Якименко.

– Не может быть! – выпалила я. И тут же захлопнула рот.

– Читаю тебе…

– Прости, – перебила я Игоря, – сейчас не могу обсуждать это. Но ты, Машенька, совершенно зря подозреваешь мужа в измене. Не может быть такого! Не верю!

– Перезвони, когда останешься одна, но долго не тяни, я сегодня улетаю, – правильно понял меня Якименко и отсоединился.

Я, держа трубку в руке, обратилась к Надюше:

– Извини, что беззастенчиво пользуюсь твоим мобильником, да еще без спроса сообщила номер своей близкой приятельнице, у нее обострение ревности. Но ты не волнуйся, Маша не станет тебя беспокоить.

– Я и не волнуюсь, – тихо сказала Надя, – болтай сколько влезет, все равно мне никто, кроме Нюрочки, не звонит.

– Ничего, если я отдам тебе телефон вечером? – спросила я. – Мне сегодня надо посмотреть квартиру, которую подобрали в агентстве недвижимости, а времени ехать домой, брать свою трубку, подаренную на день рождения, нет.

– Да, пожалуйста, – великодушно разрешила Барашкова.

– Ты одна доберешься до института? – обрадовалась я. – Мне лучше выйти вон у того супермаркета.

Надя молча кивнула.

Выскочив из машины, я забежала в магазин, остановилась возле закрытого киоска с газетами и позвонила Игорю. И как только тот откликнулся, закричала:

– Она не может быть жива! Алену десять лет назад задавила машина. Насмерть.

Поток людей, протекавший мимо, затормозил, на меня стали оглядываться. Я забежала за ларек, говоря на ходу:

– Ты ошибся. А телефон этой Полины проверил? Думаю, ты ничего не нашел, номер нигде не зарегистрирован…

– Полина Михайловна Дороднова, полных сорок девять лет, – перебил меня Игорь, – отсидела срок за мошенничество в особо крупных размерах. Дамочка воспользовалась старой уловкой – снимала хорошее офисное помещение, давала рекламу в Интернете типа: «Поездки за границу, недорого» – и собирала заказы. Цена на туры у Дородновой была слегка ниже, чем у других, и билеты она обещала достать дешевые. Единственное неудобство: милейшая Полина Михайловна оформляла поездки за три месяца до отъезда, но этим и объяснялась привлекательная цена.

– Понятно, – вклинилась я. – Поскольку тур-операторы имеют обыкновение отдавать документы клиентам накануне отлета или привозят их прямо в аэропорт, никто особенно не нервничал. А через какой&то срок с момента получения энной суммы Полина покидала офис, выбрасывала прежний телефон и, выждав, начинала все с нуля. Дай-ка мне номер предприимчивой бизнес-леди! Я ей позвоню, послушаю голос. Но абсолютно уверена, Дороднова мне не звонила, кто&то другой ею прикинулся.

– Ты умна не по годам, – остановил меня Якименко, – и вспыльчива, как фейерверк. Фрр! Сплошные искры! Телефон Полины у тебя уже есть. Как бы иначе я нашел подробности биографии этой дамочки? Пробил данные тобой цифры по базе.

– Ага, – пробормотала я, – глупость я сморозила.

– О, женщины, чего уж от вас требовать, – философски заметил Якименко.

– Мужчины тоже хороши! – хмыкнула я. – Неделю назад твой любимый подчиненный Миша прислал мне эсэмэску: «Тепа, плиз, позвони, никак не могу найти мобилу». Сразу уточню: сообщение пришло с его номера.

– Совсем заработался парень, – добродушно пробурчал следователь. – А ты, дорогая, прежде чем делать выводы, дослушай до конца. Дороднова освободилась меньше месяца назад, срок она отбывала в подмосковном городе Поломна. Там же сидела и Елена Борисовна Клепикова. Последнюю арестовали под фамилией Барашкова, но ее муж, Леонид Ильич, быстренько развелся с ней, и под суд она пошла, вернув себе девичью фамилию.

– Ну, этого просто не может быть! – потрясенно прошептала я. – Надя, ее дочь, уверена, что ее мать мертва. А за какие подвиги Алена угодила на зону?

– В состоянии наркотического опьянения Елена Борисовна, находясь за рулем принадлежавшей ей иномарки, задавила насмерть Сусанну Вайнштейн, – пояснил Игорь.

В этот момент в трубке на заднем фоне прозвучал чей&то бас:

– Якименко, зайди к Наумову!

– В общем, дело ясное, – быстро заговорил мой приятель, – приговор давно озвучен, никому оно не интересно. Клепикова уже освобождена, хотя ей предстояло отсидеть еще немного.

– Алине дали очень большой срок, – вздохнула я.

– Слушай, мне сейчас некогда, начальство вызывает, – занервничал Игорь. – Подробности могу прислать тебе на почту.

– Ладно, давай, – обрадовалась я, положила трубку в сумку и попыталась привести мысли в порядок.

Мать Нади в состоянии наркотического опьянения сбила некую Вайнштейн? Алена не погибла под колесами машины, которой управлял удравший с места происшествия так и не пойманный шофер? Леонид не вдовец? Он развелся с первой женой, а через год женился на Кате? Надюша не сирота? Ее мать жива? Полина реально существующая особа, сидевшая вместе с Аленой, и теперь она зачем&то пытается пристыдить Надюшу за невнимание к матери? Да быть такого не может!

Меня бросило в жар. Я вышла из&за киоска, купила бутылочку воды из холодильника, залпом осушила ее и пришла в себя.

Так, Игорь прав, никогда не следует делать поспешные выводы. Сначала дождусь письма от Якименко, внимательно прочитаю его. Потом, если сочту нужным, позвоню мошеннице. И только выяснив все досконально, буду соображать, что со всей этой информацией делать.

Я вышла на улицу и замерла. Рассказать Наде правду? Представляю, как отреагирует она, услышав, что родные ее обманывали!

Накинув на голову капюшон, я метнулась в сторону метро. Не так уж долго я общаюсь с Нюрочкой, но успела понять – эта женщина абсолютно бесхитростный, не способный врать человек. Она пребывает в том же неведении, что и ее внучка Надя. Думаю, и Катерине «вдовец» не открыл

правды. Вот Илья Львович определенно в курсе дела. Бизнесмен богат, обладает обширными связями, он и помог сыну объявить первую жену покойницей. Имею ли я право копаться в чужой семейной истории? Барашковы с радостью приняли меня в свой клан, заботятся обо мне, считают родней, а я отплачу им за все тем, что вытащу из омута на солнечный свет правду про Алену?

В сумке опять зазвучала мелодия вызова – веселая песенка из старого советского мультфильма. Я нащупала трубку, поднесла ее к уху и услышала характерный хрипловатый голос Полины:

– Думаешь, я отстану? Не надейся! Твоя мать хороший человек, она никого не убивала. Подставили ее! Буду трезвонить, пока ты с ней не встретишься и не поговоришь.

Я моментально сбросила звонок. А вот и ответ на мои сомнения. Полина настроена решительно, она на самом деле не отстанет. Сейчас айфон Надюши у меня, но уже вечером придется отдать его законной владелице. И что произойдет потом? Полина непременно свяжется с Наденькой, и у той случится нервный припадок, ведь она крайне эмоциональна.

Телефон снова ожил. Я сделала вдох-выдох, прежде чем ответить Полине.

– Имей совесть, навести мать! – гневно воскликнула та. – Принеси ей хотя бы белье, а то лежит бедняга в рванине!

– Хорошо, – тихо ответила я.

– Ты согласна? – опешила Дороднова.

– Вы сами сказали, что не оставите меня в покое, – напомнила я.

– Верно понято! – загудела собеседница. – Сменишь номер, я новый на ать-два раздобуду. А если подружку попросишь на себя его записать, приеду в институт. Все про тебя знаю, и где живешь, и куда на учебу бегаешь. Усекла?

– Сейчас я на семинаре, – зашептала я, – разговаривать неудобно. Давайте завтра встретимся, прямо с утра. Прогуляю лекции.

– Ну… ладно, – сменив гнев на милость, согласилась Полина. – «Веселый цыпленок» подойдет?

– Не знаю, где это, – предупредила я.

– Сейчас растолкую, – пообещала Дороднова.

Завершив беседу с бывшей зэчкой, я побежала на встречу с риелтором, решив ни за что не отдавать вечером телефон Наде.

* * *

– Нашла для тебя замечательный вариант, – затараторила представительница агентства, едва я появилась в зоне ее видимости. – Дом на лоне природы с видом на Кремль.

Я заморгала. Если правильно помню, вокруг Красной площади нет никакой природы, исключая Александровский сад. Но навряд ли дом, где мне нашли квартиру, расположен там.

– Пойдем, Степа, – поторопила агент.

Я сделала пару шагов в сторону подземного перехода, возле которого виднелся столб с буквой «М».

– Ты куда? – остановила меня риелтор.

– В метро, – ответила я.

– Ехать не придется! – радостно заявила тетка. – Отсюда до твоей квартиры пешком три минуты.

– Вы уверены, Оксана Глебовна? – удивилась я. – Мы находимся в районе станции «Фили». Кремль отсюда далековато.

– Зато он расчудесно виден из окна апартаментов, – заверила Оксана. – Поверь, шикарный вариант. Такой раз в сто лет выпадает. Не будь ты моей родственницей, не видать бы тебе этих хором. Все наиболее сладкое хранится у нас в отдельном фонде, которым сам Петр Семенович распоряжается. Я босса еле&еле упросила, сказала: «Хочется племяшке своего пятиюродного дяди помочь». Шеф у нас человек недобрый, но родственный, поэтому разрешил. Давай поспешим, пока хозяйка квартиры сама покупателя искать не стала. Странная она. Конечно, все люди со своими тараканами, но у этой Альбины в мозгу мыши живут. Ты, главное, помалкивай, оставь переговоры профессионалу. Твоя задача фатерку изучить и принципиально понять, подходит она тебе или нет. О’кей?

– Мне хотелось двушку в центре, – робко заикнулась я.

– Центрее некуда, – отмахнулась риелтор. – Или ты вознамерилась на Манежной площади поселиться? И там, куда мы идем, трешка.

Я остановилась.

– У меня хватит денег только на две комнаты. Бабушка выделила определенную сумму, превышать ее я не могу.

– Все молодые непонятливые. Сидят с утра до утра в Интернете, последний ум потеряли, – неодобрительно произнесла Оксана. – Сказано же тебе: предложение уникальное. Цена как за две комнаты, а в реальности их три. С евроремонтом. Пентхаус. Двухуровневый.

Я опять остановилась.

– Такого не бывает.

Оксана схватила меня за руку и потащила по тротуару.

– Ты прямо как моя дочь! Все&то она знает, везде побывала, а мать дура неотесанная. Поработай с мое, еще не то встретишь.

– Вы в квартиру заглядывали? – поинтересовалась я, когда мы очутились около дома, сложенного из красного кирпича.

– Нет. Читала описание, – ответила Оксана. – Стой смирно. Хозяйка велела от подъезда позвонить. Между прочим, этот дом – памятник архитектуры, и в нем всего четыре жильца. Здание возвела какая&то знаменитость, фамилия простая, вроде Чайковский.

– Он музыку писал, – сдуру уточнила я.

– А то я балда круглая! – возмутилась Оксана. – Слушай внимательно, что тебе тетя говорит: вроде Чайковский. Не он сам, а вроде! Фамилия похожая! Не мешай, я номер набираю.

Интересно, сколько у меня теперь «тетушек» и «дядюшек»? Надо как&нибудь попросить «дедулю» сделать экскурс в семейную историю. Под диктофон, а то ведь я все равно не запомню всех хитросплетений.

Я осмотрела здание снаружи. Хм, тот, что «вроде Чайковский», был большой оригинал. Дом смахивал на прямоугольную трубу, довольно высокую, сложенную из красного кирпича, на самом верху которой имелось круглое сплошь застекленное помещение. Что&то мне это здание напоминало… Я задрала голову и вдруг сообразила: смотровая вышка! Видели сериалы, наши или американские, посвященные жизни заключенных? Там непременно демонстрируют похожие сооружения, по крыше которых разгуливает охрана.

Я опустила взгляд ниже. Так-так, на первых двух этажах окон нет. Они расположены довольно высоко от земли, и это не стеклопакеты, что понятно. Ведь если дом является памятником, то его облик нельзя изменять, все должно остаться в том виде, как задумал архитектор.

Откуда&то сверху послышался резкий скрип. Я опять подняла голову и увидела, что по внешней стене здания медленно спускается нечто, похожее на большую клетку. И это «нечто» ползло по железным полозьям, которые я сначала не заметила. Отчаянно скрежеща, движущаяся конструкция достигла земли, и стало видно, что внутри нее стоит человек небольшого роста, может быть, ребенок. Хотя навряд ли он мог быть таким тучным – тело пассажира заполняло все пространство клети. Я прищурилась. И обалдела: пассажир подъемника одет

в шубу? Из ячеек «сетки» торчали клочки серо-черного меха.

Узкие дверцы распахнулись. Я ойкнула. Нет, это не малыш, а здоровенная собака размером с пони! Пес, не обращая ни малейшего внимания на двух замерших от удивления женщин, безмятежно подошел к фонарному столбу, присел, задрал морду, опустил уши, постоял в этой позе минуту, затем спокойно вернулся в клеть и оглушительно залаял. Подъемник захлопнул дверцы и, издавая отвратительный скрежет, пополз вверх.

– Что это было? – выдавила я из себя, когда странная конструкция, достигнув середины здания, замерла.

– Лифт, – задумчиво произнесла Оксана. – В старых домах их иногда снаружи пристраивали. Видела, наверное, подобные? На Лесной улице их много.

– Я видела уличные варианты подъемников, – согласилась я, – но у них закрытые шахты, стеклянные или металлические. А здесь ерунда какая&то. И выглядит ненадежно.

Конструкция, снова заскрипев, поползла вниз. Мы с Оксаной, не отрываясь, следили за ней. На сей раз дверцы распахнула старушка. Она вышла на тротуар, выкатила сумку на колесиках и громко закричала:

– Гав, гав, гав!

Пустая «клетка» торжественно отправилась вверх.

– Это лифт? – спросила я.

Старушка облокотилась на ручку сумки.

– Это наш личный асенсер, его мой сын Николаша придумал. И весь мэзон ранее нам принадлежал, построил его мой прапрапрадедушка. Он хотел зодчим стать, но отец ему запретил, приказал в лавке чаем торговать. Прапрапрадедушка побоялся с папенькой спорить, в те времена родителей уважали, поэтому все хорошо жили. А когда его папа` умер, прапрапрадедушка построил это здание. Наша семья в нем с тех пор и живет. Если б Николаша к моим мо прислушивался,

не женился бы на шалаве, которая у него пентхаус оттяпала…

Бабуля закашлялась.

– А почему вы лаяли? – не успокаивалась я.

Бабулька аккуратно вытерла рот кружевным платочком с вышитой монограммой.

– Лифт Николя для Магды соорудил, собака сама может погулять пойти. Он как&то так сделал, что кабина на «гав-гав» в движение приходит, кнопок нет. Да Магде на них и не нажать, у нее на лапах не пальцы, а когти. Не для человека клеть, на много килограммов она не рассчитана. Но я вешу меньше, чем Магда, та&то в последние годы раскабанела, вот я и пользуюсь. А другим запрещено.

Бабка выпрямилась, схватила тележку и аллюром поскакала в сторону проспекта.

Оксана удивленно смотрела ей в след.

– Ну, пойдем смотреть апартаменты?

До двери, на которой была прикреплена медная цифра «3», мы добрались по лестнице с высокими ступенями. Звонка не было, к косяку крепился бронзовый молоточек. Риелтор схватила его и стукнула по металлической табличке, привинченной рядом. Дверь тут же распахнулась, явив нашему взору жутко худую даму, наряженную в шелковый халат, щедро вышитый золотыми павлинами, и в тапочки с розовыми помпонами и с загнутыми вверх носами. Халат был красный, шлепки оранжевые, и точь-в&точь такого же цвета оказались волосы хозяйки, которые она собрала в небрежный пучок на макушке.

– Здрасте. Вы Альбина Иосифовна? Я Барашкова, из агентства недвижимости, а это клиентка, Степанида, – представила нас друг другу Оксана.

– Очень, очень, очень приятно! – выпалила красно-оранжевая дама. – Туфли вот сюда поставьте. Паркет раритетный, дубовый, жалко его затаптывать. Сейчас тапки дам. Вот, прошу…

Я посмотрела на замызганную, потерявшую товарный вид обувь и быстро сказала:

– Большое спасибо. Я привыкла ходить без тапок.

– Но вы же мне пол пятками поцарапаете! – возмутилась Альбина Иосифовна.

Я обомлела от ее замечания. Но потом послушно сунула ступни в ужасные онучи из ковровой ткани, успокоив себя: после осмотра квартиры первым делом забегу в ближайший магазин, куплю новые колготки и моментально переоденусь.

– Начнем с кухни! – предложила хозяйка. – Налево по коридорчику, еще поворот, а вот и она. Роскошное место для приготовления пищи, пять метров.

– М-м-м, – пробормотала Оксана, – похоже, что меньше.

Альбина Иосифовна уперла руки в бедра, наклонила голову и грозно спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/knyazhna-s-tarakanami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити